

32

188

852229

XII

Листы. 1-376.

Handwritten signature

Handwritten initials

ПРОВЕРКА
1950

Удочка П. в. Степанова.

Отдел
редких
книг

85 22229

Кул. 1971 г.

Замл. 10 н. с.

СТИХОТВОРЕНИЯ ПУШКИНА.

1938. и 9180.

14 СЕН. 1933

КОНЕЦ

111

Handwritten purple ink scribbles at the top of the page.

Faint, illegible handwritten text in the upper middle section.

Large, diagonal watermark or stamp reading "K 1916 C" across the center of the page.

Vertical purple ink stamp or text on the right side of the page.

Faint purple ink scribbles at the bottom left of the page.

8п 22229.

СТИХОТВОРЕНІЯ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Actas prima canat veneres, extrema tumultus.

PROPERTIUS. II. 8.

1935г. м. 9. 180

14 СЕН. 1933

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ЕЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1826.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ *семь* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санкт-петербургъ, 8 Октября 1825 года.

Цензоръ Александръ Бируковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опъ Издательей..... х1

ЭЛЕГІИ.

- I. Пробужденіе. 1816..... 3
- II. Мечтателю. 1818..... 5
- III. (Увы, зачѣмъ она блискаетъ). 1819..... 7
- IV. (Мой другъ, забышы мной слѣды). 1821..... 8
- V. Друзьямъ. 1816..... 9
- VI. Выздоровленіе. 1818..... 10
- VII. Бойна. 1821..... 12
- VIII. (Я пережилъ мои желанья). 1821..... 14
- IX. (Умолкну скоро я). 1821..... 15
- X. Гробъ юноши. 1821..... 16
- XI. (Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты) 1823.. 19
- XII. (Ты вянешь и молчишь) *Подражаніе Ан.
Шенье* 1824..... 21
- XIII. (Погасло дневное свѣшило). *Подражаніе
Байрону.* 1820..... 22
- XIV. Сожженное письмо. 1825..... 24
- XV. (Ненастный день попухъ). *Отрывокъ.* 1823 .. 25
- XVI. Желаніе славы. 1825..... 27
- XVII. Андрей Шенье. 1825..... 29

14 СЕН. 1933

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.	Къ Овидію. 1821	39
II.	Русалка. <i>Баллада</i> . 1819.	44
III.	Гробъ Анакреона. 1815.	48
IV.	Черная шаль. <i>Молдавская пѣсня</i> . 1820.	50
V.	Торжештво Вакха. 1817.	53
VI.	Фоншану Бахчисарайскаго дворца. 1820.	57
VII.	Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. 1822	59
VIII.	Пѣвецъ. 1816	65
IX.	Амуръ и Гименей. <i>Сказка</i> . 1816.	66
X.	Разлука. 1817.	69
XI.	Адели. 1822	70
XII.	Виноградъ. 1820.	71
XIII.	Стансы Т — му. 1819	72
XIV.	Уединеніе. 1819.	74
XV.	Прозерпина. 1824.	76
XVI.	Домовому. 1819	78
XVII.	Вакхическая пѣсня. 1825.	79
XVIII.	Въ альбомъ. 1825.	80
XIX.	Друзьямъ. 1822.	81
XX.	Къ морю. 1824.	83
XXI.	Демонъ. 1823.	87
XXII.	Подражаніе Турецкой пѣснѣ. 1820.	89

ХVIII.	Тѣлега жизни. 1823.....	90
ХXIV.	Наполеонъ. 1821.....	91

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.	Пріяшелямъ.....	99
II.	(Охотникъ до журнальной драки).....	100
III.	(У Кларисы денегъ мало).....	101
IV.	Добрый человекъ.....	102
V.	Ex ungue leonem.....	103
VI.	Исторія стихотворца.....	104
VII.	Уединеніе.....	105
VIII.	Лилъ.....	106
IX.	Роза.....	107
X.	Имянины.....	108
XI.	Къ портрету Жуковскаго.....	109
XII.	Надпись къ портрету * * *.....	110
XIII.	К. А. Б.....	111
XIV.	Старикъ. <i>Изъ Марота</i>	112
XV.	Веселый пиръ.....	113
XVI.	(Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный).....	114
XVII.	Иностранкѣ.....	115
XVIII.	(Какъ брань тебѣ не надоѣла).....	116
XIX.	Къ * * *.....	117
XX.	Пріятелю.....	118
XXI.	Пшичка.....	119

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.	Муза. 1821.....	123
II.	Доридѣ. 1820.....	124
III.	(Рѣдѣшь облаковъ лешучая гряда). 1820....	125
IV.	Юноша. Сафо. 1825.....	126
V.	Нереида. 1820.....	127
VI.	Діонея. 1821.....	128
VII.	Дорида. 1820.....	129
VIII.	Дѣва. 1821.....	130
IX.	Ночь. 1823.....	131
X.	Примѣшы. 1821.....	132
XI.	Земля и море <i>Идиллія Мосха</i> . 1821.....	133
XII.	Красавица передъ зеркаломъ. 1821.....	134

ПОСЛАНІЯ.

I.	Лицинію. Сб латинскаго. 1815.....	137
II.	В***му. 1819.....	141
III.	П***ну. <i>Отрывокъ</i> . 1817.....	145
IV.	Ш***ву. 1816.....	147
V.	Дельвигу. 1817.....	149
VI.	Кривцову. 1819.....	151
VII.	Алексѣеву. 1821.....	153
VIII.	К***ну. 1821.....	155

IX.	Козлову. По полученіи отъ него Чернеца.	
	1825.....	156
X.	Прелестницѣ 1818.....	158
XI.	N. N. 1819	160
XII.	Ч***ву. Съ морскаго берега Тавриды. 1820...	162
XIII.	Гречанкѣ. 1822.....	164
XIV.	Дочери Карагеоргія. 1820.....	166
XV.	Жуковскому. На изданіе книжекъ его: Для немногихъ. 1818	167
XVI.	Ч***ву. 1821.....	169

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

I.	(Клянусь четой и нечетой) 1824.....	175
II.	(О жены чистыя пророка) 1824.....	177
III.	(Смушясь, нахмурился пророкъ). 1824.....	179
IV.	(Съ Тобою древлѣ, о Всесильный). 1824...	181
V.	(Земля недвижна). 1824	182
VI.	(Недаромъ вы приснились мнѣ). 1824.....	183
VII.	(Возспань, боязливый). 1824.....	185
VIII.	(Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою). 1824.....	186
IX.	(И пушникъ усталый на Бога ропшалъ). 1824.....	187
	Примѣчанія.....	190

IX.	Полное собрание сочинений...	180
X.	Полное собрание сочинений...	180
XI.	Полное собрание сочинений...	180
XII.	Полное собрание сочинений...	180
XIII.	Полное собрание сочинений...	180
XIV.	Полное собрание сочинений...	180
XV.	Полное собрание сочинений...	180
XVI.	Полное собрание сочинений...	180

ПОДЪЯВИЯ КОРАБЛЮ.

I.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
II.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
III.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
IV.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
V.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
VI.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
VII.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
VIII.	(Полное собрание сочинений) 1824	180
IX.	(Полное собрание сочинений) 1824	180

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

III

Собранныя здѣсь стихотворенія не составляютъ полнаго изданія всѣхъ сочиненій А. С. Пушкина. Его поэмы помѣщены будутъ современемъ въ особенной книжкѣ. Мы теперь предлагаемъ только то, что не могло войти въ собраніе собственно называемыхъ поэмъ.

Въ короткое время авторъ нашъ успѣлъ соединить голоса читателей въ пользу своихъ поэтическихъ дарованій. Мы считаемъ себя въ правѣ ожидать особеннаго вниманія и снисхожденія публики къ нынѣшнему изданію его стихотвореній. Любопытно, даже поучительно будетъ для занимающихся словесностію, сравнить четырнадцатилѣтняго Пушкина съ авторомъ Руслана и Людмилы и другихъ поэмъ. Мы желаемъ, чтобы на собраніе наше смотрѣли, какъ на исторію поэтическихъ его досуговъ въ первое дѣсятилѣтіе авторской жизни.

Многія изъ сихъ стихотвореній напечатаны были прежде въ періодическихъ изданіяхъ. Иныя, можетъ быть, нами и пропущены. При всемъ томъ это

первое въ нѣкоторомъ порядкѣ собраніе небольшихъ стихотвореній такого автора, котораго все гитаютъ съ удовольствіемъ. Какъ издатели, мы передъ нимъ и предъ публикою извиняемся особенно въ томъ, что, по недосмотрѣнію корректора, остались въ нашей книжкѣ значительныя типографическія ошибки. Для предварительной поправки выписываемъ замѣчанныя нами.

Напечатано :

Надобно поправить :

Стран.	Строк.		
54.	11.	ноги	роги
60.	7.	Волхвы	« Волхвы
79.	9.	Подвинемъ	Подыmemъ
149.	2.	забошь	забошь и бѣдь

Э Л Е Г И И.

1916

Э Л Е Г И И.

I.

П Р О Б У Ж Д Е Н І Е.

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость!
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во шмѣ глубокой
Я пробуждѣнь.
Кругомъ поспели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улещѣли
Толпою прочь
Любви мечшанья.

Еще полна
Душа желанья
И ловишь сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь!
Внемли моления:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поштру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Непробужденный!

II.

МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лишь,
Напраснымъ пламенемъ помиишь воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе паишь:
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечшатель!
О если бы себя, унылыхъ чувствъ искашель,
Поспигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ швоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи
На ложѣ, медленно шерзаемый поской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вошще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не пишалъ
Неблагодарнаго мечшанья.
Нышь, нышь! Въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, испуленной,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:

Ошдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возмите опъ меня сей образъ роковой!
Довольно я любилъ: ошдайте мнѣ покой!
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Ошпались вѣчно бы съ тобой.

7

III.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
Минушною, нѣжной красою!
Она примѣшно увядаетъ
Во цвѣтѣ юности живой...
Увянешь! Жизнью молодою
Недолго наслаждаешь ей;
Недолго радовашь собою
Щасливый кругъ семьи своей;
Безпечной, милой острою
Бесѣды наши оживлять,
И тихой, ясною душою
Спрадальца душу услаждать!
Спѣшу въ волненьи думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаешь рѣчей веселыхъ
И наглядѣшься на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей:
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

Мой другъ! Забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моей мятежное печенье.
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Что было мнѣ дано въ печаль и въ наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ!
 Пускай я радости вкушаю неполнѣ!
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
 Безпечно вѣрь ему, летучій мигъ лови!
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для поцѣлуевъ сладостраспья;
 Душа твоя чиста: унынье чуждо ей;
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть.
 Къ чему тебѣ внимать безумства и спрасней
 Незанимательную повѣсть?
 Она твоей тихій умъ невольно возмутишь;
 Ты слезы будешь лишь, ты сердцемъ содрогнешься;
 Довѣрчивой души безпечность улешишь,
 И ты моей любви, быть можешь, ужаснешься.
 Быть можешь, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишишься я боюсь послѣднихъ наслажденій:
 Не требуй отъ меня опасныхъ опкровеній!
 Сегодня я люблю, сегодня щасливъ я!

У.

ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Злашые дни, злашья ночи,
И шомныхъ дѣвъ усшремлены
На васъ внимашельныя очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Ушрайте вечеръ скорошечной:
И вашей радости безшечной
Сквозъ слезы улыбнуса я.

VI.

ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
 Или невѣрное то было сновидѣнье,
 Мечтанье смущное, и пламенный недугъ
 Обманомъ волновалъ мое воображенье?
 Въ минушы мрачныя болѣзни роковой
 Ты ль, дѣва нѣжная, спояла надо мной
 Въ одеждѣ воина съ неловкостью пріятной?
 Такъ, видѣлъ я себя! Мой шускмый взоръ узналъ
 Знакомыя красы подъ сей одеждой рашной:
 И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
 Но вновь въ умѣ моемъ спѣснились мрачны грезы:
 Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
 И вдругъ я чувствую швое дыханье, слезы
 И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
 Безсмертные! Съ какимъ волненьемъ
 Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
 Я закипѣлъ, запрепешалъ:
 И скрылась шы прелестнымъ привидѣньемъ.
 Жестокій другъ! Меня помини шы упоеньемъ:
 Приди, меня мершвиши любовь!

Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница! Пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ швои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенные ноги . . .
Не медли, поспышай, прелестный воинъ мой,
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова низпослали боги,
А съ нимъ и сладкія превои
Любви шаиншвенной и шалоспи младай.

VII.

В О Й Н А.

Война!... Подьяпы наконецъ ;
 Шумящъ знамена бранной чеспи !
 Увижу кровь, увижу праздникъ меспи ;
 Засвищешъ вкругъ меня губительный свинець.

И сколько сильныхъ впечатлѣній
 Для жаждущей души моей!
 Спремленье бурныхъ ополченій
 Тревоги спана , звукъ мечей
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Паденье ратныхъ и вождей!
 Предметы гордыхъ пьснопѣній
 Разбудящъ мой уснувшій геній.

Все ново будешъ мнѣ : просная сѣнь шапра ,
 Огни враговъ , ихъ чуждое зыванье,
 Вечерній барабанъ , громъ пушки , визгъ ядра
 И смерти грозной ожиданье.

Родишься ль ты во мнѣ , слѣпая славы спрассть ,
 Ты , жажда гибели , свирѣпый жаръ героевъ?
 Вънокъ ли мнѣ двойной доспанешся на чассть ,
 Кончину ль шемную судиль мнѣ жребій боевъ ,

И все умереть со мной : надежды юныхъ дней ,
Священный сердца жаръ , къ высокому стремленью ,
Воспоминаніе и брата и друзей ,
И мыслей творческихъ напрасное волненье ,
И ты , и ты , любовь ? ... Уже ль ни бранный шумъ ,
Ни ратные труды , ни ропоть гордой славы ,
Ничто не заглушитъ моихъ привычныхъ думъ ?

Я шаю , жертва злой опоры :

Покой бѣжитъ меня ; нѣшь власпи надъ собой ,
И нягоспная лѣнь душою овладѣла ...

Что жь медлитъ ужась боевой ?

Что жь битва первая еще не закидѣла ? ...

VIII.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остались мнѣ одни спрданья,
Плоды сердечной пустоши.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увяль цвѣщущи мой вѣнецъ;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придешь ли мой конецъ!

Такъ позднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свисшь,
Одинъ на вѣшкѣ обнаженной
Трепещешь запоздалыи листь.

IX.

Умолкну скоро я. Но если въ день печали
Задумчивой игрой мнѣ струны ошвѣчали;
Но если юноши, внимая молча мнѣ,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила въ пишинѣ
И сердца моего языкъ любила спрашивной;
Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
Позволь одушевить прощальный лиры звукъ
Завѣшнымъ именемъ любовницы прекрасной!
Когда меня навѣкъ обымешь смертный сонъ;
Надъ урною моей промолви съ умиленьемъ:
Онъ мною былъ любимъ, онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ!

X.

Г Р О Б Ъ Ю Н О Ш И .

..... Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ пипомецъ нѣжной;
 Кругомъ него глубокий сонъ
 И хладъ могилы безмяшежной...

Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
 Когда весной въ шѣни деревь
 Онъ кружились на свободѣ;
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужь его припѣвъ.

Давно ли спарцы любовались
 Его веселостью живой,
 Полупечально улыбались
 И говорили межъ собой:
 И мы любили хороводы,
 Блиспали пакже въ насъ умы;
 Но погоди, приспѣюшь годы,
 И будешь то, что нынѣ мы;
 Какъ намъ, о міра госпъ игривый,

Тебѣ постынешь бѣлый свѣтъ;
 Теперь играй! » . . . Но старцы живы,
 А онъ увялъ во цвѣтѣ лѣтъ.
 И безъ него друзья пируютъ,
 Другихъ ужъ полюбишь успѣвъ;
 Ужь рѣдко, рѣдко именуешь
 Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ.
 Изъ милыхъ жень, его любившихъ,
 Одна, бышь можешь, слезы льешь,
 И память радостей почившихъ
 Привычной душою зовешь . . .
 Къ чему?

Надъ ясными водами

Гробницы мирною семьей
 Подъ наклоненными крестами
 Таяшся въ рощѣ вѣковой.
 Тамъ, на краю большой дороги,
 Гдѣ липа старая шумишь,
 Забывъ сердечныя шревоги,
 Нашъ бѣдный юноша лежишь.

Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Иль ходишь мѣсяць средь небесъ,

И вокруг безчувственной гробницы
Ручей журчишь и шепчешь лѣсъ ;
Напрасно утромъ за малиной
Къ ручью красавица съ корзиной
Идешь и въ холодъ ключевой
Пугливо ногу опускаешь :
Ничто его не вызываетъ
Изъ мирной сѣни гробовой.

XI.

Проспишь ли мнѣ ревнивыя мечпы,
Моей любви безумное волненье?
Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонниковъ толпой,
Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
И всѣхъ даришь надеждою пуспой
Твой чудный взоръ, то нѣжный, то унылой?
Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
Увѣрена въ любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной
Бесѣды чуждъ, одинъ и молчаливъ,
Терзаюсь я досадою одинокой!
Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
Хочу ль бѣжать: съ боязнию и мольбой
Твои глаза не слѣдують за мной.
Заводишь ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговоръ:
Спокойна ты; веселый швой укоръ
Меня мерщвишь, любви не выражая.

Скажи еще : соперникъ вѣчный мой,
Наединѣ заспавъ меня съ шобой,
Зачѣмъ себя привѣществуешь лукаво?...
Что жь онъ тебѣ? Скажи, какое право
Имѣешь онъ блѣднѣшь и ревновашь?...
Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣша,
Безъ маперы, одна, полуодѣша,
Зачѣмъ его должна ты принимаешь?...
Но я любимъ!.. Наединѣ со мною
Ты такъ нѣжна! Лобзанія твои
Такъ пламенны! Слова твоей любви
Такъ искренно полны твоей душою!
Тебѣ смѣшны мученія мои,
Но я любимъ, себя я понимаю.
Мой милый другъ, не мучь меня, молю!
Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
Не знаешь ты, какъ шяжко я спрадаю!

XII.

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сѣдаетъ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираешь.
 Давно швоей иглой узоры и цвѣты
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустишь. О, я знаюкъ въ дѣвической печали!
 Давно глаза мои въ душѣ швоей чипали.
 Любви не ушайшь: мы любимъ, и какъ насъ,
 Дѣвицы нѣжныя, любовь волнуешь васъ.
 Щаспливы юноши! Но кто, скажи, межъ ними
 Красавецъ молодой съ очами голубыми,
 Съ кудрями черными?... Краснѣешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не онъ ли вѣчно бродишь
 Вкругъ дома швоего и взоръ къ окну возводишь?
 Ты вшайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
 Никто на праздникъ блисшательнаго мая,
 Межъ колесницами роскошными лешая,
 Никто изъ юношей свободнѣй и смѣлѣй
 Не влашвуешь конемъ по прихоши своей!

XIII.

Погасло дневное свѣшло;
 На море синее вечерній паль шумань.

Шуми, шуми, послушное въприло!
 Волнуйся подо мной, угрюмый океань!

Я вижу берегъ опдаленный,
 Земли полуденной волшебные края:
 Съ волненьемъ и шоской шуда спремлюся я,
 Воспоминаньемъ упоенный...

И чувствую: въ очахъ родились слезы вновь;

Душа кипишь и замираешь;
 Мечша знакомая вокругъ меня лешаетъ;
 Я вспомнилъ прежнихъ лшь безумную любовь,
 И все, чѣмъ я спрадалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ помисельный обмань...

Шуми, шуми, послушное въприло!
 Волнуйся подо мной, угрюмый океань!

Леши, корабль, неси меня къ предьямъ дальнымъ
 По грозной прихоши обманчивыхъ морей,
 Но шолько не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,

Страны, гдѣ пламенемъ спрасшей
Впервые чувства разгарались,
Гдѣ музы нѣжныя мнѣ тайно улыбались,
Гдѣ рано въ буряхъ ошцвѣла
Моя пошерянная младость,
Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
И сердце хладное спраданью предала!
Искашель новыхъ впечатлѣній,
Я васъ бѣжалъ, опечески края!
Я васъ бѣжалъ, пишомцы наслажденій,
Минушной младости минушныя друзья!
И вы, наперсницы порочныхъ заблужденій,
Которымъ безъ любви я жершвовала собой,
Покоемъ, славою, свободой и душой,
И вы забышы мной, измѣнницы младыя,
Подруги тайныя моеи весны зланыя,
И вы забышы мной!... Но прежнихъ сердца рань,
Глубокихъ рань любви, ничшо не излѣчило...
Шуми, шуми, послушное въшрило!
Волнуйся подо мной, угрюмый океань!...

XIV.

СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велѣла...
 Какъ долго медлила я! Какъ долго не хошла
 Рука предашь огню всѣ радости мои!...
 Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви!
 Готовъ я; ничему душа моя не внемлешь.
 Ужь пламя жадное листы твои приемлешь...
 Минушу... вспыхнули... пылаюшь... легкій дымъ
 Вясь теряешь съ моленіемъ моимъ.
 Ужь перстня вѣрнаго упрята впецаплѣнье,
 Разшопленный сургучъ кишишь... О провидѣнье,
 Свершилось! Темные свернулися листы;
 На легкомъ пеплѣ ихъ завѣшныя черны
 Бѣлюшь... Грудь моя снѣсилась. Пепель милой,
 Ошрада бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди!

XV.

Ненастный день попухъ; ненастной ночи мгла
 По небу стелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣнiе за рощею сосновой
 Луна шуманная взошла...

Все мрачную поску на душу мнѣ наводишь.
 Далеко, шамь, луна въ сiянiи возводишь;
 Тамъ воздухъ напоенъ вечерней шеплошой;
 Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...

Вошь время! По горѣ шеперь идешь она
 Къ брегамъ, попопленнымъ шумящими волнами;
 Тамъ, подъ завѣшными скалами,

Теперь она сидишь печальна и одна...

Одна....никто предъ ней не плачешъ, не поскуешъ;

Никто ея колѣнь въ забвенiи не цѣлуешъ!

Одна.. ничьимъ усшамъ она не предаешъ

Ни плечъ, ни влажныхъ усшь, ни персей бѣлоснѣжныхъ!

.

Никто ея любви небесной не достоин!

Не правда ль: шы одна... шы плачешь... я спокоенъ;

.

Но если

XVI.

ЖЕЛАНІЕ СЛАВЫ.

Когда, любовію и нѣгой упоенный,
 Безмолвно предъ побой коленнопреклонный,
 Я на себя глядѣль и думаль: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желаль ли славы я!
 Ты знаешь: удалень ошь въпреннаго свѣша,
 Скучая суешнымъ прозваніемъ поэта,
 Успавъ ошь долгихъ бурь, я вовсе не внималь
 Жужжанью дальному упрековъ и похваль.
 Могли ль меня молвы превожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры
 И руку на главу мнѣ шихо наложивъ,
 Шепшала ты: скажи, ты любишь, ты щаспливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любишь не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудешь?
 А я спѣсенное молчаніе храниль,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Чшо нѣтъ грядущаго, чшо грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И чшоже? Слезы, муки,
 Измѣны, клевета, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Чшо я, гдѣ я? Сшою,

Какъ пушникъ, молніей постигнушый въ пустынь,
И все передо мной зашмилося! И нынѣ
Я новымъ для меня желаніемъ помимъ:
Желаю славы я, чшобъ именемъ моимъ
Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чшобъ шы мною
Окружена была, чшобъ громкою молвою
Все, все вокругъ шебя звучало обо мнѣ,
Чшобъ, гласу вѣрному внимая въ шшинѣ,
Ты помнила мои послѣднія моленья
Въ саду, во шмѣ ночной, въ минушу разлученья.

XVII.

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

(Посвящено Н. Н. Раевскому.)

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveilloit....

Межь шѣмь, какъ изумленный міръ
На урну Байрона взираешь,
И хору европейскихъ лиръ
Близъ Данше шѣнь его внимаешь,

Зовешь меня другая шѣнь,
Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи въ дни страданій
Сошедшая въ могильну сѣнь.

Пѣвцу любви, дубравъ и мира,
Пѣвцу возвышенной мечшы
Звучишь незнаемая лира.
Пою. Мнѣ внемлешь онъ и шы.

Подьялась вновь успалая съкира
 И жершву новую зовешь.
 Пѣвецъ гошовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поешь ^г.

Заушра казнь, привычный пиръ народу;
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поешь? Поешь она свободу:
 Не измѣнилась до конца!

“

. . . Не узрю васъ, дни славы, дни блаженства!
 Я плахъ обречень. Последніе часы
 Влачу. Заушра казнь. Торжественной рукою
 Палачь мою главу подымешь за волосы
 Надъ равнодушною толпою.

Просшите, о друзья! Мой безпріютный прахъ
 Не будешь почивашъ въ саду, гдѣ провождали
 Мы дни безпечные въ наукахъ и въ пирахъ,
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.

Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминанье;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Оплачьтесь, милые, мой жребій въ тишинѣ!
 Спрашисесь возбудишь слезами подозрѣнье!
 Въ нашъ вѣкъ, вы знаете, и слезы пресупленье:
 О братѣ сожалѣшь не смѣешь нынѣ братѣ.
 Еще жь одна мольба: вы слушали стократъ
 Спихи, лепучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣщныя преданья
 Всей младости моей. Надежды и мечпы
 И слезы и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою храняшь. У Авеля, у Фанни ²,
 Молю, найдите ихъ! Невинной музы дани
 Сберегите! Спрогій свѣшь, надменная молва
 Не будутъ вѣдать ихъ. Увы, моя глава
 Безвременно падешь! Мой нездѣльный геній
 Для славы не свершилъ возвышенныхъ швореній.
 Я скоро весь умру. Но, шѣнь мою любя,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдетъ; толпою суетвѣрной
 Сбирайтесь иногда чашать мой свипокъ вѣрной,
 И, долго слушая, скажите: эшо онъ!
 Вошь рѣчь его! А я, забывъ могильный сонъ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Упыюсь... и, можешь бышь, ушъшенъ буду я
 Любовью. Можешь бышь, и Узница моя ³,
 Уныла и блѣдна, спихамъ любви внимая... »

Но, пѣсни нѣжныя мгновенно прерывая,
 Младый пѣвецъ поникъ задумчивой главой.
 Пора весны его съ любовію, шоской
 Промчалась передъ нимъ. Красавицъ помны очи
 И пѣсни и пиры и пламенные ночи,
 Все вмѣстѣ ожило; и сердце понеслось
 Далече... и стиховъ журчанье излилось:

« Куда, куда завлекъ меня враждебный геній?
 Рожденный для любви, для мирныхъ искушеній,
 Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни пѣнь,
 Свободу и друзей и сладосшную лѣнь?
 Судьба лелѣяла мою злешую младость;
 Безпечною рукой меня вѣнчала радость,
 И муза чистая дѣлила мой досугъ.
 На шумныхъ вечерахъ друзей любимый другъ,
 Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Сѣнь, охраненную домашними богами.

Когда жь, вакхальною превогой ушомясь
 И новымь пламенемь незапно воспалясь,
 Я ушромь наконець являлся къ милой дѣвѣ
 И находилъ ее въ смященіи и гнѣвѣ;
 Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная вѣкъ, ушраченный въ пирахъ,
 Она меня гнала, бранила и прощала:
 Какъ сладко жизнь моя лилась и ушекала!
 Зачѣмь опъ жизни сей, лѣнливой и простой,
 Я кинулся шуда, гдѣ ужась роковой,
 Гдѣ спраспи дикія, гдѣ буйные невѣжды
 И злоба и корысть! Куда, мои надежды,
 Вы завлекли меня! Чшо дѣлашь было мнѣ,
 Мнѣ, вѣрному любви, спсихамь и шишинѣ,
 На низкомь поприщѣ съ презрѣнными бойцами!
 Мнѣ ль было управляшь спрошпивыми конями
 И крупо напругашъ безсильныя бразды?
 И чшо жь оставлю я? Забышые слѣды
 Безумной ревности и дерзости ничтожной.
 Погибни, голось мой! И ты, о призракъ ложной,
 Ты, слово, звукъ пустой...

« О нѣшь!

Умолкни, ропощъ малодушной!

Гордись и радуйся, поэтъ!
 Ты не поникъ главою послушной
 Передъ позоромъ нашихъ лѣтъ:
 Ты презрѣлъ мощнаго злодѣя.
 Твой свѣшочъ, грозно пламенѣя,
 Жестокимъ блескомъ озарилъ
 Совѣтъ правителей безславныхъ 4;
 Твой бичъ насшигнулъ ихъ, казнилъ

 Твой стихъ свисалъ по ихъ главамъ;
 Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду;
 Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
 Кинжалъ и двѣ-эмениду!
 Когда священный шарикъ ошь плахи опривалъ
 Вѣнчанную главу рукой оцѣпенѣлой:
 Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,
 И передъ вами шрепешалъ
 Ареопагъ оспервенѣлой.
 Гордись, гордись, пѣвецъ! А ты, свирѣпый звѣрь,
 Моей главою играй шеперь!
 Она въ швоихъ когшяхъ. Но слушай, знай, безбожный:
 Мой крикъ, мой ярый смѣхъ преслѣдуешь себя!
 Пей нашу кровь, живи, губя:
 Ты все пигмей, пигмей ничтожный.

И часъ придетъ . . . и онъ ужь недалёкъ:
 Падешь , ширань ! Негодованье
 Воспрянешь наконецъ . Опечесства рыданье
 Разбудишь упомленный рокъ.
 Теперь иду . . . пора . . . но ты спунай за мною !
 Я жду тебя . »

Такъ пѣль воспорженный поэтъ.
 И все покоилось . Лампады шихій свѣшь
 Блѣднѣль предъ ушренной зарёю ,
 И ушро вѣяло въ темницу . И поэтъ
 Къ рѣшешкѣ подняль важны взоры . . .
 Вдругъ шумъ . Пришли , зовушь . Они ! Надежды нѣшь !
 Звучашъ ключи , замки , запоры .
 Зовушь . . . Постой , постой ! День только , день одинъ :
 И казней нѣшь , и всѣмъ свобода ,
 И живъ великій гражданинъ
 Среди великаго народа 5.
 Не слышатъ . Шесипвѣ безмолвно . Ждетъ палачъ .
 Но дружба смершный пушь поэтъ очаруетъ 6.
 Вошь плаха . Онъ возшель . Онъ славу именуешь 7 . . .
 Плачь , муза , плачь ! . . .

1916

РАЗНЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ.

1910

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

КЪ О В И Д І Ю.

Овидій! Я живу близъ пихихъ береговъ,
Копорымъ изгнанныхъ опеческихъ боговъ
Ты нѣкогда принесъ и пепель свой оставилъ.
Твой безопраднй плачь мѣста сіи прославилъ:
И лиры нѣжный гласъ еще не онѣмѣлъ;
Еще швоей молвой наполнишь сей предѣлъ.
Ты живо впечатлѣлъ въ моемъ воображенѣ
Пустыню мрачную, поэша започенье,
Туманный сводъ небесъ, обычные снѣга
И крашкой теплошой согрѣшые луга.
Какъ часшо, увлеченъ унылыхъ струнъ игрою,
Я сердцемъ слѣдовалъ, Овидій, за шобою!
Я видѣлъ швой корабль игралищемъ валовъ,
И якорь, верженнй близъ дикихъ береговъ,
Гдѣ ждешъ пѣвца любви жестокая награда:
Тамъ нивы безъ шѣней, холмы безъ винограда;

Рожденные въ снѣгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скиѣи свирѣные сыны,
 За Испромъ ушаясь, добычи ожидающъ,
 И селамъ каждый мигъ набѣгомъ угрожающъ.
 Преграды нѣшь для нихъ: въ волнахъ они плывущъ
 И по льду звучному безшрешно идущъ.
 Ты самъ (дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превращной!
 Ты, съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волненье жизни рашной,
 Привыкнулъ розами вѣнчать свои власы
 И въ нѣтъ провождашь безпечные часы.),
 Ты будешь принужденъ взложишь и шлемъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранишь близъ лиры оробѣлой.
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подруги прежнихъ дней,
 Изгнаннаго пѣвца не усладяшь печали.
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юноши ихъ помняшь наизустъ:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалобы, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Окшавія не пронущъ;
 Дни старости твоей въ забвеніи пошнущъ.
 Злапой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ опчиствѣ варваровъ безвѣсень и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь;
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ нищешь:

« О возвратите мнѣ священный градъ опцовъ
 И пѣни мирныя наслѣдственныхъ садовъ!
 О други! Августу мольбы мои несите!
 Карающую длань слезами опклоните!
 Но если гнѣвный богъ досель неумолимъ,
 И вѣкъ мнѣ не выдашь шебя, великій Римъ;
 Последнею мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хошь мой гробъ къ Ишаліи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харишь,
 Твое уныніе и слезы укоришь?
 Кто въ грубой гордостѣ прочтешъ безъ умиленья
 Сіи элегіи, послѣднія шворенья,
 Гдѣ ты свой щещный спонъ попомству передалъ?

Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изгнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ и собой и жизнью недовольный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣшилъ
 Спрану, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ шобой мечпы воображенья,
 Я повшорилъ швои, Овидій, пѣснопѣнья,
 И ихъ печальныя каршины повѣрлялъ;
 Но взоръ обманушимъ мечшаньямъ измѣнялъ.

Изгнаніе швое плѣняло вшайнѣ очи ,
 Привыкшія къ снѣгамъ угрюмой полуночи.
 Здѣсь долго свѣшился небесная лазурь ;
 Здѣсь крашко царствуетъ жестокошь зимнихъ бурь.
 На скиѣскихъ берегахъ переселенець новый ,
 Сынъ юга, виноградъ блиспаешъ пурпуровый.
 Ужь пасмурный декабрь на рускіе луга
 Слоями разшилашь пушистые снѣга ;
 Зима дышала шамъ : а съ вешней шеплошою
 Здѣсь солнце ясное кашилось надо мною ;
 Младою зеленью песпрѣль увядшій лугъ ;
 Свободныя поля взрывалъ ужъ ранній плугъ ;
 Чушь вѣялъ вѣшерокъ, подъ вечеръ холодѣя ;
 Едва прозрачный ледъ, надъ озеромъ шускнѣя ,
 Кришпалломъ покрывалъ недвижныя спруи.
 Я вспомнилъ опышы несмѣлые швои ,
 Сей день , замѣченный крылашымъ вдохновеньемъ ,
 Когда шы въ первый разъ ввѣрять съ недоумѣньемъ
 Шаги свои волнамъ , окованнымъ зимой :
 И по льду новому , казалось , предо мной
 Скользила шѣнь швоя , и жалобные звуки
 Неслися издали , какъ помный спонъ разлуки.
 Ушѣшься : не увялъ Овидіевъ вѣнецъ !
 Увы, среди шолпы зашерянный пѣвецъ ,

Безвѣстенъ буду я для новыхъ поколѣній:
И, жертва темная, умрешь мой слабый геній
Съ печальной жизнью, съ минушною молвой! ...
Но если, обо мнѣ попомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искашь въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
Къ нему слезишь моя признательная пѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье.
Да сохранился же завѣтное преданье:
Какъ ты, враждующей покорсвужя судьбѣ,
Не славой, участью я равень былъ тебѣ.
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скишался я въ шѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
И ни единый другъ мнѣ въ мѣрѣ не внималъ;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны
И музы мирныя мнѣ были благосклонны.

РУСАЛКА.

Надъ озеромъ , въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ ,
Всегда въ заняшїяхъ суровыхъ,
Въ постѣ , моливъ и шрудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу шарецъ рылъ,
И лишь о смерти вождельбной
Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды лѣпомъ у порогу
Поникшей хижины своей
Анахорешъ молился Богу.
Дубравы дѣлались чернѣй ;
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяць въ облакахъ
Тихонько по небу кахился.
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно спреха полный;
Не можешь самъ себя понять...
И видишь: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опяшь...
И вдругъ.... легка, какъ пѣнь ночная,
Бѣла, какъ ранній снѣгъ холмовъ,
Выходишь женщина нагая,
И молла съла у береговъ.

Глядишь на стараго монаха
И чешешь влажные власы.
Свяшой монахъ дрожишь со спреха
И смотришь на ея красы.
Она манишь его рукою,
Киваешь быстро головой...
И вдругъ падучею звездою
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ спарикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:

Передь собой съ невольной думой
 Все видѣль чудной дѣвы шѣнь.
 Дубравы вновь одѣлись шмою ;
 Пошла по облакамъ луна ,
 И снова дѣва надъ водою
 Сидишь , прелесшна и блѣдна.

Глядишь , киваешь головою ,
 Цѣлуешь издали шущя ,
 Играешь , плещешься волною ,
 Хохочешь , плачешь , какъ дитя ,
 Зовешь монаха , нѣжно спонешь . . .
 « Монахъ , монахъ ! Ко мнѣ , ко мнѣ ! . . . »
 И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь :
 И все въ глубокой тишинѣ .

На шретій день отшельникъ спраспной
 Близь очарованныхъ бреговъ
 Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной ,
 А шѣнь ложилась средь дубровъ . . .

Заря прогнала шму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду съдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

III.

ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ шайнственномъ молчаньи :

Холмъ одѣлся темношой ;

Ходишь въ облачномъ сiяньи

Полумѣсяцъ молодой.

Вижу : лира надъ могилой

Дремлешь въ сладкой шиниѣ ;

Лишь порою звонъ унылой ,

Будшо лѣни голосъ милой ,

Въ мершвой слышишь ся спрунѣ .

Вижу : горлица на лирѣ ,

Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ . . .

Други , здѣсь почишь въ мирѣ

Сладоспращія мудрецъ .

Посмотрише : на порфирѣ

Оживиль его рѣзецъ !

Здѣсь онъ въ зеркало глядишь ,

Говоря : я съдъ и спарь ,

Жизнью дайше жъ на сладисься ;

Жизнь , увы , невѣчный даръ !

Здѣсь , поднявъ на лиру длани

И нахмуря важно бровь,
Хочешь пѣшь онъ бога брани,
Но поешь одну любовь.
Здѣсь гошовишься природѣ
Долгъ послѣдній заплашишь:
Спарецъ пляшешь въ хороводѣ,
Жажду просишь ушлишь.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачущь и поющь;
Онъ у времени скупаго
Крадесть нѣсколько минушь.
Вошь и музы и харишы
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увишы
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смершный, вѣкъ швой привидѣнье:
Щасье рѣзвое лови!
Наслаждайся, наслаждайся!
Чаще кубокъ наливай!
Спрасшью пылкой упомляйся,
А за чашей опдыхай!

IV.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Гляжу какъ безумный на черную шаль :
И хладную душу шерзаетъ печаль.

Когда легковѣрень и молодъ я былъ,
Гречанку младую я спрасшно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня ;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей :
Ко мнѣ посмучался презрѣнный Еврей.

Съ побою пирують (шепнулъ онъ) друзья;
Тебѣ жь измѣнила Гречанка швоя.

Я даль ему злаша и прокляль его,
И вѣрнаго позваль раба моего.

Мы вышли: я мчался на борзомъ конѣ;
И крошкая жалосшь молчала во мнѣ.

Едва я завидѣль Гречанки порогъ...
Глаза пошемнѣли; я весь изнемогъ.

Вхожу въ опдаленный покой я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзаль Армянинъ.

Не взвидѣль я свѣша: булашъ загремѣль...
Прервашъ поцѣлуя злодѣй не успѣль.

Безглавое шло я долго шопшаль,
И молча на дѣву блѣднѣя взираль.

Я помню моленья... шекушую кровь:
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мершвой снявъ черную шаль,
Ошеръ я безмолвно кровавую спаль.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны ихъ бросилъ шѣла.

Съ шѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ шѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль:
И Хладную душу шерзаешъ печаль.

V.

ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неисповые клики?

Кого, куда зовушь и бубны и шимпань?

Чшо значашь радостные лики

И пѣсни поселянь?

Въ ихъ кругъ свѣшмая свобода

Пріяла праздничный вѣнокъ.

Но двинулись толпы народа...

Онъ приближаешся... Вошь онъ, вошь сильный богъ!

Вошь Бахусъ мирный, вѣчно юный!

Вошь онъ, вошь Индіи герой!

О радость! Полныя шобой

Дрожащъ, готовы грянушь спруны

Нелицемерною хвалою.

Эванъ, эвое! Дайте чаши,

Несите свѣжіе вѣнцы!

Невольники, гдѣ ширсы наши?

Бѣжимъ на мирный бой, опважные бойцы!

Вошь онъ , вошь Вакхъ ! О часъ опрадный!
Державный ширсъ въ его рукахъ ;
Вънець желшѣешь виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ . . .
Течешь. Его молодые шигры
Съ покорной яростью влекушь ;
Кругомъ лепяшь эропы , игры ,
И гимны въ чесшь ему поюшь.
За нимъ шѣснился козлоногій
И фавновъ и сашировъ рой ;
Плющемъ опушаны ихъ ноги ;
Бѣгушь смяшенною полпой
Во слѣдъ за быспрой колесницею ;
Кшо съ шросшниковою цѣвницею ,
Кшо съ вѣрной кружкой своею ;
Тошь оступившись упадаешь
И бархашный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаешь
При дикомъ хохощѣ друзей.
Тамъ далѣ вижу дивный ходъ :
Звучащъ веселые шимпаны ;
Младья нимфы и сильваны ,
Сосшавя шумный хороводъ ,
Несушь недвижнаго Силена . . .

Вино спруится , брызжеть пѣна ,
 И розы сыплюся кругомъ ;
 Несушь за спящимъ спарикомъ
 И ширсь , символъ побѣдный мира ,
 И кубокъ , шяжкой золошой ,
 Подарокъ Вакха дорогой .

Но воешь берегъ опдаленный .
 Власы раскинувъ по плечамъ ,
 Вънчанны гроздемъ , обнажены ,
 Бѣгушь Вакханки по горамъ .
 Тимпаны звонкіе , кружась межъ ихъ перспами ,
 Гремяшь и впоряшь ихъ ужаснымъ голосамъ .
 Промчались , лешяшь , свивающся руками ,
 Волшебной пляской полчупшь лугъ :
 И младость пылкая шолпами
 Спекаешся вокругъ .

Поюшь неисповыя дѣвы ;
 Ихъ сладоспращные напѣвы
 Въ сердца вливающъ жаръ любви ;
 Ихъ перси дышапъ вождельньемъ ;
 Ихъ очи , полная безумспвомъ и шомленьемъ ,
 Сказали : щаспие лови !

Ихъ вдохновенныя движенья
 Сперва изображаюшь намъ
 Спыдливость милаго смяшенья,
 Желанье робкое, а шамъ
 Воспоргъ и дерзоспъ наслажденья.

Но вошь разсыпались по холмамъ и полямъ;
 Махая ширсами, несущся;
 Ужь издали ихъ вопли раздаюшея,
 И гуль имъ вшорипшь по лѣсамъ:
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважныя бойцы!

Друзья, въ сей день благословенной
 Забвенью бросимъ суешы!
 Теки, вино, спруею пѣнной
 Въ честь Вакха, музъ и красоспы!
 Эванъ, эвое! Дайте чаши!
 Несите свѣжіе вѣнцы!
 Невольники, гдѣ ширсы наши?
 Бѣжимъ на мирный бой, опважныя бойцы!

VI.

ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живой!
Принеси я въ даръ тебѣ двѣ розы.
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слезы.

Твоя серебряная пыль
Меня кропишь росой холодной:
Ахъ, лейся, лейся, ключъ опрадной!
Журчи, журчи свою мнѣ быль!...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошала:
Хвалу странъ прочелъ я дальней;
Но о Маріи ты молчала...

Свѣшило блѣдное гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Или Марія и Зарема
Однѣ счастливыя мечты?

Иль только сонъ воображенья
Въ пустынной мглѣ нарисоваль
Свои минушныя видѣнья,
Души неясный идеаль?

VII.

ПѢСНЬ О ВѢЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

Какъ нынѣ собираешя вѣщій Олегъ
Ошмспитъ неразумнымъ Хозарамъ :
Ихъ села и нивы , за буйный набѣгъ ,
Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
Съ дружиной своей , въ цареградской бронѣ ,
Князь по полю ѣдешъ на вѣрномъ конѣ.

Изъ темнаго лѣса , на встрѣчу ему ,
Идешъ вдохновенный кудесникъ ,
Покорный Перуну шарикъ одному ,
Завѣшовъ грядущаго вѣспникъ ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеншій весь вѣкъ.
И къ мудрому шарцу подѣхалъ Олегъ.

60

Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
Что сбудеся въ жизни со мною?
И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
Могильной засыплюсь землёю?
Ошкрой мнѣ всю правду, не бойся меня!
Въ награду любаго возмешь ты коня.

Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ ненужень;
Правдивъ и свободенъ ихъ вѣщій языкъ,
И съ волей небесною друженъ.
«Грядущіе годы шаятся во мглѣ;
Но вижу швой жребій на свѣшломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое!
Воишелю слава опрада:
Побѣдой прославлено имя швое;
Твой щипъ на врашахъ Цареграда;
И волны и суша покорны тебѣ;
Завидуешь недругъ споль дивной судьбѣ.

И синяго моря обманчивый валь
Въ часы роковой непогоды
И праць и стрѣла и лукавый кинжаль
Щадяшь побѣдителя годы . . .
Подъ грозной броней шы не вѣдаешь рань :
Незримый хранишель могущему дань.

Твой конь не боится опасныхъ шрудовъ ;
Онъ , чую господскую волю ,
То смиренный стоишь подъ стрѣлами враговъ ,
То мчишься по бранному полю ,
И холодъ и сѣча ему ничего :
Но примешь шы смершь онъ коня своего . »

Олець усмѣхнулея ; однако чело
И взоръ омрачилися думой .
Въ молчаньи , рукой опершись на сѣдло ,
Съ коня онъ слѣзаетъ угрюмой ;
И вѣрнаго друга прощальной рукой
И гладить и шреплеть по шеѣ крушой .

« Прощай, мой поварищъ, мой вѣрный слуга!

Разсѣпашься насшало намъ время:

Теперь отдыхай! Ужь не спуишь нога

Въ швое позлащенное спремя.

Прощай, ушѣшайся, да помни меня!

Вы, шпроки - други, возмише коня!

Покройше попоной, мохнапымъ ковромъ;

Въ мой лугъ подь ушцы шведише;

Купайше, кормише шшборнымъ зерномъ;

Водой ключевою поише!»

И шпроки шшпчась съ конемъ шшшли,

А князю другаго коня подвели.

Пируешъ съ дружиною вѣщій Олегъ

При званѣ веселомъ шшакана.

И кудри ихъ бѣлы, какъ ушренный снѣгъ

Надъ славной главою кургана...

Они поминають минувшіе дни

И бишвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

« А гдѣ мой поварищъ , промолвилъ Олегъ ,
 Скажише , гдѣ конь мой решивый ?
 Здоровъ ли ? Все также ль легокъ его бѣгъ ?
 Все пошъ же ль онъ бурный , игривый ? »
 И внемлющъ ошвѣшу : на холмѣ крушомъ
 Давно ужъ почилъ непробуднымъ онъ сномъ .

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаешъ : « что же гаданье ?
 Кудесникъ , шы лживый , безумный спарикъ !
 Презрѣшь бы швое предсказанье !
 Мой конь и донныѣ носилъ бы меня . »
 И хочешъ увидѣшь онъ косши коня .

Вопъ ѣдешъ могучій Олегъ со двора ,
 Съ нимъ Игорь и спарые госпи ,
 И видящъ : на холмѣ , у берега Днѣпра ,
 Лежашъ благородныя косши ;
 Ихъ моющъ дожди , засыпаешъ ихъ пыль ,
 И вѣшеръ волнуешъ надъ ними ковыль .

Князь шихо на черепь коня наступилъ

И молвилъ: « спи , другъ одинокой!
Твой спарый хозяйнѣ шебя пережилъ :
На признѣ , уже недалекой ,
Не ты подь сѣкирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прахъ напоишь !

Такъ вопшь , гдѣ шайлась погибель моя !

Мнѣ смерщю косьь угрожала ! »
Изъ мершвой главы гробовая змя
Шипя между шѣмъ вышолзала ;
Какъ черная ленша вокругъ ногъ обвилась :
И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые зашѣнясь шипяшь

На признѣ плачевной Олега :
Князь Игорь и Ольга на холмѣ сидяшь ;
Дружина пируешъ у брега ;
Бойцы поминаюшь минувшіе дни
И бишвы , гдѣ вмѣсшѣ рубились они.

VIII.

П Ъ В Е Ц Ъ .

Слышали ль вы за рощей гласъ ночной
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда поля въ часъ упреннѣй молчали ,
 Свирѣли звукъ унылый и проспой
 Слышали ль вы ?

Встрѣчали ль вы въ пустынной шмѣ лѣсной
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Слѣды ли слезъ , улыбку ль замѣчали ,
 Иль тихій взоръ , исполненный тоской ?
 Встрѣчали ль вы ?

Вздохнули ль вы , внимая тихой гласъ
 Пѣвца любви , пѣвца своей печали ?
 Когда въ лѣсахъ вы юношу видали ;
 Встрѣчая взоръ его попухшихъ глазъ ,
 Вздохнули ль вы ?

IX.

АМУРЬ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
 Повеселю васъ новой сказкой.
 Знали ли вы, мои друзья,
 Слепаго мальчика съ повязкой?
 Слепаго?... Вошь? Помилуй, Фебъ!
 Амурь совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
 Но шалуну пришла жь охота,
 Чшобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
 Его безуміе вело.
 Безуміе ведешь Эроша:
 Но вдругъ, не знаю почему,
 Оно наскучило ему.
 Взялся за новую зашью:
 Повязку съ милыхъ снявъ очей,
 Идешь проказникъ къ Гименею...
 А что такое Гименей?
 Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
 Холодный, дряхлый и лѣнивый,
 Ворчишь и дремлешь цѣлый вѣкъ,
 А впрочемъ добрый человекъ,

Да нравъ имѣешь онъ ревнивый.
 Ошь ревности печальный богъ
 Спокойно подремать не могъ;
 Все шрусилъ маленькаго брата,
 За нимъ подсмашриваль шайкомъ,
 И караулил супосшаша
 Съ своимъ докучнымъ фонарёмъ.
 Вошь мальчикъ мой къ нему подходишь,
 И рѣчь коварную заводишь:
 « Развеселися, Гименей!
 « Ну, помирися, будь умнѣй!
 « Забудь, шоварищъ мой любезный,
 « Раздоръ смѣшный и бесполезный!
 « Да шолько навсегда, смощри!
 « Возми жъ повязку въ память, милый,
 « А мнѣ фонарь свой подари!»
 И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
 Амуръ ошь радости прыгнулъ,
 И на глаза со всей онъ силы
 Обнову брату зашянулъ.
 Гимена скучные дозоры
 Съ шѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
 Его зависпливые взоры
 Теперь не страшны красошамъ;

Спокоенъ онъ , но брашь коварный ,
Шупя надъ чesью и надъ нимъ ,
Войну ведешь неблагодарный
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ .
Лишь сонъ на смерсныхъ налешаешь ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаешь ,
И самъ щаспливца провожаешь
Къ уснувшему супругу въ домъ ;
Самъ ошь безпечнаго Гимена
Онъ охраняешь шайну дверь . . .
Пойми меня , мой другъ Елена ,
И мудрой повѣспи повѣрь !

X.

У Р А З Л У К А .

Въ послѣдній разъ , въ сѣни уединенья,
Моимъ спихамъ внимаешь нашъ пенашь.

Лицейской жизни милый брашь,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья.

Прошли льща соединенья ;

Разорванъ онъ , нашъ вѣрный кругъ.

Прости ! Хранимый небомъ ,

Не разлучайся , милый другъ ,

Съ свободою и Фебомъ !

Узнай любовь , невѣдомую мнѣ ,

Любовь надеждъ , воспорговъ , упоенья :

И дни швои полешомъ сновидѣнья

Да пролетяшь въ щасливой пишинѣ !

Прости ! Гдѣбъ ни былъ я : въ огнѣ ли смершной бипшвы ,

При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья ,

Святому брашшву вѣрень я .

И пусть (услышишь ли судьба мои молишвы ?)

Пусть будешь щасливы всѣ , всѣ швои друзья !

XI.

А Д Е Л И.

Играй, Адель,
Не знай печали!
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Чась упоенья
Лови, лови!
Младья льпа
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣша
Люби, Адель,
Мою свирѣль!

XII.

В И Н О Г Р А Д Ъ.

Н^Е спану я жалѣшь о розахъ,
Увядшихъ съ легкою весной;
Мнѣ милъ и виноградъ, на лозахъ
Въ кистяхъ созрѣвшій подь горой,
Краса моей долины злачной,
Оспрада осени злашой,
Продолговашый и прозрачной,
Какъ персшы дѣвы молодой.

XIII.

СТАНСЫ Т — МУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младоспи глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.

Ты милья забавы свѣща
На грусть и скуку промѣняль,
И на лампаду Эпикшета
Злашый Гораціевъ фіаль.

Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной испины заботъ
И бесполезныхъ размышленій.

Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ
Всѣмъ возрастамъ даешь игрушки :
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.

Ахъ, младость не приходишь вновь!
Зови же сладкое бездѣлье
И легкокрылую любовь
И легкокрылое похмѣлье!

До капли наслажденье пей,
Живи безпечень, равнодушень!
Мгновенью жизни будь послушень,
Будь молодъ въ юности швоей!

XIV.

У Е Д И Н Е Н І Е.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
 Приюшь покойсвѣя, шрудовъ и вдохновенья,
 Гдѣ льешься дней моихъ невидимый пошокъ

На лонѣ счастья и забвенья!

Я швой: я промѣнялъ порочный дворъ цирцей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирный шумъ дубровъ, на шишину полей,
 На праздность вольную, подругу размышленья.

Я швой: люблю сей темный садъ

Съ его прохладой и цвѣтами,

Сей лугъ, уславленный душистыми скирдами,
 Гдѣ свѣшлые ручьи въ кустарникахъ шумяшъ.

Вездѣ передо мной подвижныя карпины:

Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,

Гдѣ парусъ рыбаля бѣлѣшъ иногда,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосашы,

Вдали разсыпанныя хашы,

На влажныхъ берегахъ бродящія спада,

Овины дымные и мѣльницы крылашы;

Вездѣ слѣды довольсшва и шруда.

Я здѣсь, ошь суешныхъ оковъ освобожденной,
 Учуся въ испинѣ блаженство находишь,
 Свободною душой законъ богопворишь,
 Ропшанью не внимать толпы непросвѣщенной,
 Учасьемъ отвѣчать заспѣчивой мольбѣ

И не завидовать судьбѣ

Злодѣя, иль глупца, въ величїи неправомъ.

Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!

Въ уединенїи величаюмъ

Слышите вашъ оспрадный гласъ;

Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,

Къ прудамъ раждаетъ жарь во мнѣ,

И ваши шворческія думы

Въ душевной зрѣють глубинѣ.

.

XV.

ПРОЗЕРПИНА.

Плещуть волны Флегетона ,

Своды шаршара дрожашь :

Кони блѣднаго Плутона

Быстро къ нимфамъ Пеліона

Изъ аида бога мчашь.

Вдоль пустыннаго залива

Прозерпина вельдь за нимъ ,

Равнодушна и ревнива ,

Пошекла пушемъ однимъ.

Предъ богинею колѣна

Робко юноша склонилъ.

И богинямъ льспишь измѣна :

Прозерпинѣ смершнй миль.

Ада гордая царица

Взоромъ юношу зовешь ,

Обняла , и колесница

Ужь къ аиду ихъ несешь :

Мчашся , облакомъ одѣшы ;

Видяшъ вѣчные луга ,

Элизей и шомной Лешы

Усыпленные брега.

Тамъ безсмертье , тамъ забвенье ,

Тамъ ушѣхамъ нѣтъ конца.

Прозерпина въ упоеньѣ ,

Безъ порфиры и вѣнца ,

Повинуешся желаньямъ ,

Предаешь его лобзаньямъ

Сокровенныя красы ,

Въ сладоспратной нѣгѣ понешь

И молчишь и шомно спонешь...

Но бѣгушь любви часы ;

Плещушь волны Флегетона ,

Своды шаршара дрожашь :

Кони блѣднаго Плутона

Быспро мчашь его назадъ.

И Кереры дочь уходишь ,

И счастливица за собой

Изъ элизія выводишь

Пошаенною шропой ;

И счастливецъ оппираешь

Осторожною рукой

Дверь , опкуда вылепашь

Сновидѣній ложный рой.

XVI.

Д О М О В О М У.

Помѣстья мирнаго незримый покровишель,
 Тебя молю, мой добрый домовой,
 Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
 И скромную семьи моей обитель!
 Да не вредяшь полямъ опасный хладъ дождя
 И въпра позняго осенніе набѣги;
 Да въ пору благошворны снѣги
 Покроюшь влажный шукъ полей!
 Оспанься тайный стражъ въ наследшвенной сѣни,
 Поспигни робосью полуночнаго вора
 И ошь недружескаго взора
 Счастливымъ домикъ охрани!
 Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
 Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
 И сей укромный огородъ
 Съ калишкой вешною, съ обрушеннымъ заборомъ!
 Люби зеленый скашъ холмовъ,
 Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
 Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
 Они знакомы вдохновенью.

XVII.

ВАКХИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Что смолкнулъ веселія гласъ?

Раздайшесь, вакхальны припѣвы!

Да здравствуюшь нѣжныя дѣвы

И юныя жены, любившія насъ!

Полнѣ спаканъ наливайше!

На звонкое дно

Въ густое вино

Завѣшныя кольца бросайше!

Подвинемъ спаканы, содвинемъ ихъ разомъ!

Да здравствуюшь музы, да здравствуюешь разумъ!

Ты, солнце свяшое, гори!

Какъ эша лампада блѣднѣешь

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаешь и плѣешь

Предъ солнцемъ безсмершнымъ ума.

Да здравствуюешь солнце, да скроешьша!

XVIII.

ВЪ АЛБОМЪ.

Если жизнь тебя обманешъ;

Не печалься, не сердись!

Въ день унынія смирись!

День веселья, вѣрь, наспанешъ.

Сердце въ будущемъ живешъ;

Настоящее уныло:

Все мгновенно, все пройдетъ;

Что пройдетъ, то будетъ мило.

XIX.

Д Р У З Ь Я М Ъ .

Вчера былъ день разлуки шумной,
Вчера былъ Вакха буйный пирь,
При кликахъ юности безумной,
При громѣ чашь, при звукѣ лирь.

Такъ, Музы васъ благословили,
Вѣнками свѣше осыня,
Когда вы, други, опличили
Почешной чашею меня.

Чесполобивой позолопой
Не ослѣпляя нашихъ глазъ,
Она не суешной работою,
Не рѣзбою плѣняла насъ,

Но тѣмъ однимъ лишь опличалась,
Что, жажду скиѣскую поя,
Бушылка полная вливалась
Въ ея широкіе края.

Я пиль, и дуною сердечной
Во дни минувшіе лешаль,
И горе жизни скоротечной
И сны любви воспоминаль.

Меня смѣшила ихъ измѣна:
И скорбь исчезла предо мной,
Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
Подъ зашипѣвшею струей.

XX.

КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты капишь волны голубыя
И блещешь гордою красой.

Какъ друга ропоть заунывный,
Какъ зовъ его въ прощальный часъ,
Твой грустный шумъ, швой шумъ призывный
Услышала я въ послѣдній разъ.

Моей души предѣль желанный!
Какъ часто по брегамъ швоимъ
Бродилъ я тихій и шуманный,
Завѣшнымъ умысломъ шомимъ!

Какъ я любилъ свои опзывы,
Глухіе звуки, бездны гласъ
И шишину въ вечерній часъ
И своенравные порывы!

Смиранный парусъ рыбаей,
Твоею прихошью хранимый,
Скользишь безопасно средь зыбей:
Но ты взыгралъ, неодолимый;
И спая понешь кораблей.

Не удалось навѣкъ оставишь
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
Тебя воспоргами поздравишь
И по хребтамъ своимъ направишь
Мой поэпическій побѣгъ.

Ты ждалъ, ты звалъ... я былъ окованъ;
Вошще рвалась душа моя:
Могучей спрасшью очарованъ,
У береговъ оштался я.

О чемъ жалѣшь? Куда бы нынѣ
Я пуць опважный успремилъ?
Одинъ предметъ въ швоей пуспынѣ
Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
Тамъ погружались въ хладный сонъ
Воспоминанья величавы:
Тамъ угасаль Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій.
И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другій онъ насъ умчался геній,
Другій власпишель нашихъ думъ.

Исчезъ, оплаканный свободой,
Осшавя міру свой вѣнецъ.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, швой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означень ,
 Онъ духомъ созданъ былъ швоимъ :
 Какъ ты , могущъ , глубокъ и мрачень ,
 Какъ ты , ничѣмъ неукрошимъ .

Мірѣ опустѣль . . . Теперь куда же
 Меня бѣ ты вынесъ , океанъ ?

.

Прощай же , море ! Не забуду
 Твоей торжешвенной красы ,
 И долго , долго слышать буду
 Твой гулъ въ вечерніе часы .

Въ лѣса , въ пусыни молчаливы
 Перенесу , шобою полнь ,
 Твои скалы , швои заливы
 И блескъ и шѣнь и говоръ волнь .

XXI.

ДЕМОНЪ.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бышя :
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья ;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь :
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осыня,
Тогда какой-то злобный геній
Спаль шайно навѣщашь меня.
Печальны были наши встрѣчи :
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неиспощимый клеветшою,
Онъ провидѣнье искушалъ ;
Онъ звалъ прекрасное мечшою ;
Онъ вдохновенье презиралъ ;

Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословишь онъ не хошѣлъ.

XXII.

ПОДРАЖАНІЕ ТУРЕЦКОЙ ПѢСНѢ.

О дѣва-роза , я въ оковахъ ;
Но не спыжусь швоихъ оковъ :
Такъ соловей въ кустахъ лавровыхъ ,
Пернашый царь лѣсныхъ пѣвцовъ ,
Близъ розы гордой и прекрасной
Въ неволѣ сладоспной живешь
И нѣжно пѣсни ей поешь
Во мракѣ ночи сладоспраспной.

XXIII.

ТЪЛЕГА ЖИЗНИ.

Хоть тяжело подь чась въ ней бремя,
 Тълега на ходу легка;
 Ямщикъ лихой, съдое время,
 Везешь, не слезешь съ облучка.

Съ ушра садимся мы въ тѣлегу,
 Мы погоняемъ съ ямщикомъ
 И, презирая лѣнь и нѣгу,
 Кричимъ: валяй по всѣмъ по шрѣмъ!

Но въ полдень нѣтъ ужь шой отваги;
 Поразтрясло насъ; намъ страшнѣй
 И косогоры и овраги;
 Кричимъ: пошеше, дуралей!

Кашишь попрежнему тѣлега.
 Подь вечерь мы привыкли къ ней,
 И дремля ѣдемъ до ночлега,
 И время гонишь лошадей.

XXIV.

НАПОЛЕОНЪ.

Чудесный жребій совершился:
Угасъ великій человекъ.
Въ неволь мрачной закашился
Наполеона грозный вѣкъ.
Исчезъ властитель осужденный,
Могучій баловень побѣдъ:
И для изгнанника вселенной
Уже попомство насшаешь.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будешь полнь,
Приостынь швоею славой,
Почій среди пустынныхъ волнь!
Великолѣпная могила....
Надъ урной, гдѣ швой прахъ лежишь,
Народовъ ненависть почила
И лучъ безсмертія горишь.

Давно ль орлы швои лешали
 Надъ обезславленной землѣй?
 Давно ли царства упадали
 При громахъ силы роковой?
 Послушны волѣ своенравной,
 Бѣдой шумѣли знамена,
 И налагаль яремь державной
 Ты на земныя племена.

.

 И Франція, добыча славы,
 Плѣненный устремила взоръ,
 Забывъ надежды величавы,
 На свой блиспашельный позоръ.
 Ты вель мечи на пиръ обильный;
 Все пало съ шумомъ предъ побой:
 Европа гибла; сонъ могильный
 Носился надъ ея главой.

.

Надменный, кто тебя подвигнул?
 Кто обуяль швой дивный умъ?
 Какъ сердца Рускихъ не посшигнулъ
 Ты съ высоты ошважныхъ думъ?
 Великодушнаго пожара
 Не предузнавъ, ужь ты мечталъ,
 Чшо мира вновь мы ждемъ какъ дара;
 Но поздно Рускихъ разгадалъ...

Россія, бранная царица!
 Воспомни древнія права!

 Пылай, великая Москва!
 Наспали времена другія:
 Исчезни крашкѣй нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россія!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Оцѣпенѣлыми руками
 Схвашивъ желѣзный свой вѣнецъ,
 Онъ бездну видишь предъ очами,
 Онъ гибнешь, гибнешь наконецъ.

Бѣжапъ Европы ополченья;
 Окровавленные снѣга
 Провозгласили ихъ паденье,
 И шаешъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закипѣло;
 Европа свой распоргла плѣнь;
 Вослѣдъ ширану полешѣло,
 Какъ громъ, прокляшѣе племень.
 И длань народной Немезиды
 Подъяшу видишь великанъ:
 И до послѣдней всѣ обиды
 Ошплачены шебѣ, шираиъ!

Изкуплены его спяжанья,
 И зло воинственныхъ чудесь
 Тоскою душнаго изгнанья
 Подъ сѣнью чуждою небесь.
 И знойный оспровъ започенья
 Полнощный парусъ постѣшишь,
 И пунникъ слово примиренья
 На ономъ камнѣ начершишь,

Гдѣ , успремивъ на волны очи ,
Изгнанникъ помнилъ звукъ мечей
И льдистый ужасъ полуночи
И небо Франціи своей ;
Гдѣ иногда , въ своей пусынь
Забывъ войну , попомшво , шронъ ,
Одинъ , одинъ о миломъ сынѣ
Въ уныньи горькомъ думаль онъ .

Да будешь омраченъ позоромъ
Топъ малодушный , кшо въ сей день
Безумнымъ возмушишь укоромъ
Его развѣнчанную шѣнь !
Хвала ! . . . Онъ рускому народу
Высокій жребій указаль
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщаль .

1791

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

СЛОВА

719113

ЭПИГРАММЫ И НАДПИСИ.

I.

ПРІЯТЕЛЯМЪ.

Враги мои, покамѣспь я ни слова...
И, кажешся, мой быспрый гнѣвъ угасъ:
Но изъ виду не выпускаю васъ,
И выберу когда нибудь любаго.
Не избѣжать пронзительныхъ когшей,
Какъ налечу нежданный, безпощадный:
Такъ въ облакахъ кружишься яспребъ жадный
И спорожишь индѣекъ и гусей.

II.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усыпительный Зоиль
Разводишь опиумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

III.

У Кларисы денегъ мало ,
Ты богашь ; иди къ вѣнцу :
И богашство ей приспало
И рога тебѣ къ лицу.

IV.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ: несносень Ѳирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судить обо всёмъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю себя, сосѣдь Пахомъ:
Ты просто глупъ и слава Богу.

V.

EX UNGUE LEONEM.

Недавно я спихами какъ-то свиснулъ
И выдалъ ихъ безъ подписи моей;
Журнальный шупъ о нихъ спашейку писнулъ,
И въ свѣсть пустилъ безъ подписи жь злодѣй.
Но что жь? Ни мнѣ, ни площадному шупу
Не удалось прикрыть своихъ проказъ:
Онъ по когшамъ узналъ меня въ минушу,
Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

VI.

ИСТОРИЯ СТИХОТВОРЦА.

МАРАЕТЬ онъ единымъ духомъ

Лисшь ;

Внимаешъ онъ привычнымъ ухомъ

Свисшь ;

Пошомъ всему шерзаетъ свѣшу

Слухъ ;

Пошомъ печашаетъ : и въ Лешу

Бухъ !

VII.

УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ , кто въ опдаленной сѣни,
Вдали взыскашельныхъ невѣждъ,
Дни дѣлишь межъ прудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрышь , по милосши Творца,
Ошь усынишеля глупца ,
Ошь пробудишеля нахала !

VIII.

Л И Л Ъ.

Лила, Лила! Я спрадаю
Безотраднoю шoскoй,
Я шoмлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой;
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надo мной.
Смѣйся, Лила! Ты прекрасна
И безчувственной красoй.

IX.

РОЗА.

Гдѣ наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Диша зари.
Не говори:
Такъ вянешь младость!
Не говори:
Вошь жизни радость!
Цвѣшку скажи:
Проси, жалю!
И на лилею
Намъ укажи!

И М Я Н И Н Ы.

Умножайте шумъ и радость;

Пойте пѣсни въ добрый часъ:

Дружба, грація и младость

Имяниницы у насъ.

Между шѣмъ диша крылашо,

Васъ привѣществуя, друзья,

Вшайнѣ думаешь: когда-шо

Имянинникъ буду я?

XI.

КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдешь вѣковъ зависливую даль,
И, внемля имъ, вздохнешь о славѣ младость,
Ушъшипся безмолвная печаль
И рѣзвая задумаешся радость.

XII.

НАДПИСЬ КЪ ПОРТРЕТУ***

Судьба свои дары явишь желала въ нёмъ,
Въ щасливомъ баловнѣ соединивъ ошибкой
Богашество, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ
И просходуще съ язвишельной улыбкой.

XIII.

К. А. Б.

Что можем наскоро стихами молвить ей?

Мнѣ истина всего дороже.

Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;

Подумавъ, я скажу все поже.

XIV.

СТАРИКЪ.

Ужь я не шопъ любовникъ спраспной,
Кому дивился прежде свѣшь:
Моя весна и льшо красно
Навѣкъ прошли, пропаль и слѣдь.
Амурь, богъ возраста младаго!
Я швой служишель вѣрный былъ;
Ахъ, если бь могъ родишься снова,
Ужь шакъ ли бь я шебъ служиль!

XV.

ВЕСЕЛЫЙ ПИРЬ.

Я люблю вечерній пирь,
Гдѣ веселье председапель,
А свобода, мой кумирь,
За споломь законодапель,
Гдѣ до упра слово пей
Заглушаеть крики пѣсень,
Гдѣ просшорень кругь гостей,
А кружокь бушылокь шѣсень.

XVI.

Хоть впрочем онъ поэтъ изрядный,
Эмилій человекъ пустой.

Да шы чѣмъ полонъ шушь нарядный?

А, понимаю : самъ собой ;

Ты полонъ дряни, милый мой!

XVII.

ИНОСТРАНКЪ.

На языкъ, тебѣ невняшномъ,
Стихи прощальные пишу;
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья швоего прошу:
Мой другъ, доколь не увяну,
Въ разлукъ чувство погубя,
Боготворишь не перешану
Тебя, мой другъ, одну себя.
На чуждыя чершы взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страсшей не понимая.

XVIII.

ИНОСЪРЪНЪ

Какъ брань тебѣ не надобла!

Расчешь корошокъ мой съ побой:

Ну, шакъ, я праздень, я безъ дѣла;

А шы бездѣльникъ дѣловой.

XIX.

КЪ ***

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часпо омрачѣнь,
Зачѣмъ на все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не миль мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой оспылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кпо разъ любилъ, ужь не полюбилъ вновь;
Кпо счастье зналъ, ужь не узнаешь счастья.
На крашкѣй мигъ блаженство намъ дано:
Ошь юности, ошь нѣгъ и сладоспращья
Оспанешся уныніе одно.

ПРІЯТЕЛЮ.

Не пришворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій!
Тебѣ не страшень лиры звукъ,
Ни элегическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: шы не ревнивь,
Я слишкомъ въспрень и лѣнивь,
Твоя красавица не дура;
Я вижу все и не сержусь:
Она прелеспная Лаура,
Да я въ Пешрарки не гожусь.

XXI.

П Т И Ч К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родный обычай старины :
На волю птичку выпускаю
При светломъ праздникѣ весны.
Я спалъ доспуненъ утѣшенью ;
Зачто на Бога мнѣ ропшашъ,
Когда хощь одному шворенью
Я могъ свободу даровать!

В П Р И М Е Р

Въ видѣніи срамъ и позоръ
 Показанъ обидѣй сиротамъ;
 На волю и власть владыкою
 Подъ сѣнникомъ правителю
 И оубо доученому иному;
 Замыслъ на Бога и на правду
 Нелзя звать ствомъ и вѣру
 И нота сегого дѣла...

Digitized by Google

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

71917

ПОДРАЖАНІЯ ДРЕВНИМЪ.

I.

МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семисвольную цѣвницу мнѣ вручила;
Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
По звонкимъ скважинамъ пуспаго просника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ паспуховъ.
Съ ушра до вечера въ нѣмой пѣни дубовъ
Прилѣжно я внималъ урокамъ дѣвы пайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Ошкцнувъ локоны ошь милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тросникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ свяшымъ очарованьемъ.

II.

Д О Р И Д Ъ.

Я вѣрю : я любимъ ; для сердца нужно вѣришь.
 Нѣшь, милая моя не можешь лицемѣришь ;
 Все непришворно въ ней : желаній шомный жарь,
 Спыдливосшь робкая , харишь безцѣнный дарь,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежностъ
 И ласковыхъ именъ младенческая нѣжностъ.

III.

Рѣдѣть облаковъ лешучая гряда.
Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!
Твой лучъ осеребриль увядшія равнины
И дремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины.
Люблю швой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;
Онъ думы разбудилъ, уснувшія во мнѣ:
Я помню швой возходъ, знакомое свѣшило,
Надъ мирною сстраной, гдѣ все для сердца мило,
Гдѣ сшройны шпополи въ долинахъ вознеслись,
Гдѣ дремлешь нѣжный миршъ и шемный кипарисъ
И сладосшно шумяшъ полуденныя волны.
Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,
Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь.

IV.

Ю Н О Ш А.

Щастливый юноша, пы всѣмъ меня плѣнилъ :
Душою гордою и пылкой и незлобной,
И первой младости красой женоподобной.

V.

Н Е Р Е И Д А.

Среди зеленыхъ волнь, лобзающихъ Тавриду,
На утренней зарѣ я видѣль Нереиду.
Сокрытый межъ деревь, едва я смѣль дохнушь:
Надъясной влагою полубогиня грудь
Младую, бѣлую, какъ лебедь, воздымала
И пѣну изъ власовъ спруею выжимала.

VI.

ДИОНЕЯ.

Хромидъ въ себя влюбленъ: онъ молодъ, и неразъ
Украдкою вдвоемъ мы замѣчали васъ;
Ты слушаешь его, въ безмолвіи краснѣя;
Твой взоръ пошупленный желаніемъ горишь
И долго послѣ, Діонея,
Улыбку нѣжную лице швое хранишь.

VII.

Д О Р И Д А.

Въ Доридѣ нравятся и локоны златые
И блѣдное лице и очи голубые.
Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
Въ ея объятіяхъ я нѣгу пилъ душой;
Воспорги быстрые воспоргами смѣнялись,
Желанья гасли вдругъ и снова разгорались;
Я шаялъ: но среди невѣрной шемношы
Другія милыя мнѣ видѣлись чершты,
И весь я полонъ былъ таинственной печали
И имя чуждое уша мои шептали.

VIII.

Д Ъ В А.

Я говорилъ шебѣ : спрашися дѣвы милой !
Я зналъ : она сердца влечешъ невольной силой.
Неосторожный другъ , я зналъ : нельзя при ней
Иную замѣчашъ , иныхъ искашъ очей.
Надежду пошерявъ , забывъ измѣны сладость ,
Пылаешъ близъ нея задумчивая младость ;
Любимцы щасія , наперсники судьбы
Смиренно ей несущъ влюбленныя мольбы :
Но дѣва гордая ихъ чувшва ненавидишь
И , очи опусшивъ , не внемлешъ и не видишь .

IX.

Н О Ч Ь .

Мой голосъ для тебя и ласковый и помяной
 Тревожишь позднее молчанье ночи шёмной.
 Близъ ложа моего печальная свѣча
 Горить; мои стихи, сливаясь и журча,
 Текуть, ручьи любви, шекуть полны шобою.
 Во шмѣ швои глаза блистають предо мною,
 Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой другъ, мой нѣжный другъ...люблю...швоя...швоя!...

ПРИМѢТЫ.

Старайся наблюдать различныя примѣты!
Пасху и земледѣль въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную пѣнь,
Умѣюшь ужь предрѣчь и вѣспрь и ясный день
И майскіе дожди, молодыхъ полей опраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.
Такъ, если лебеди, на лонѣ тихихъ водъ
Плескаясь вечеромъ, окличушь швой приходъ,
Иль солнце яркое зайдешъ въ печальны шучи,
Знай: завшра сонныхъ дѣвъ разбудишь дождь ревучій,
Иль бьющій въ окна градъ; а ранній селянинъ,
Гошоваясь ужь косишь высокій злакъ долинь,
Услыша бури шумъ, не выйдешъ на работу
И погрузишься вновь въ лѣнивую дремошу.

XI.

ЗЕМЛЯ И МОРЕ,

Когда по синевѣ морей
Зефиръ скользишь и шихо вѣешь
Въ вѣсприла гордыхъ кораблей
И челны на волнахъ лелѣешь,
Забошь и думъ слагая грузь,
Тогда лѣнюсь я веселѣ
И забываю пѣсни музъ:
Мнѣ моря сладкій шумъ милѣ.
Когда же волны по брегамъ
Ревушь, кипяшь и пѣной плещушь
И громъ гремишь по небесамъ
И молніи во мракѣ блещушь,
Я удаляюсь ошь морей
Въ гощепрїимныя дубровы:
Земля мнѣ кажешся вѣрнѣй
И жалокъ мнѣ рыбаць суровый;
Живешъ на ушломъ онѣ челнѣ,
Игралище слѣпой пучины;
А я въ надежной шишинѣ
Внимаю шумъ ручья долины.

XII.

КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣщами окружаешь,
 Играешь локономъ, и вѣрное сшекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордосшь отражаешь!

ПОСЛАНИЯ.

719113

ПОСЛАНИЯ.

I.

ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вънчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Вешулій молодой
Въ шолпу народную летишь по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клоняшь;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гоняшь!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ спремись усердный взглядъ;
Ждушь, ловяшь съ шрепешомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго боговъ благословенья;
И дѣши малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почешный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно ль ты палъ?
Кто васъ порабошилъ и власью оковалъ?

Квиришы гордые подь иго преклонились
 (Скажу ль?) Вешулія! Опчизны спыдь моей,
 Развращный юноша возсѣль въ совѣшь мужей;
 Любимецъ деспота сенапомь слабымъ править,
 На Римъ просперь яремь, опечесство безславить;
 Вешулій Римлянъ царь!... О спыдь, о времена!
 Или вселенная на гибель предана?
 Но кпо подь поршикомъ, съ поникшею главою,
 Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
 Сквозь шумную толпу нахмуренный идешь?
 Куда шы нашъ мудрецъ, другъ испины, Дамешь!
 Куда: не знаю самъ; давно молчу и вижу;
 Навѣкъ оспаваю Римъ: я рабство не навизу.
 Лициній, добрый другъ! Не лучше ли и намъ,
 Смиренно поклонясь форшунѣ и мечшамъ,
 Съдаго циника примѣромъ научишься?
 Съ развращнымъ городомъ не лучше ль намъ проспишься,
 Гдѣ все продажное: законы, правоша,
 И консуль и шрибунъ, и чешть и красоша?
 Пускай Глицерія, красавица младая,
 Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
 Неопышность другихъ въ наемну ловить съшь!
 Намъ спыдно слабосши съ морщинами имѣшь;
 Тщеславной юношн осшавимъ блескъ веселій:

Пускай безстыдный Клишъ, слуга вельможъ, Корнелій
 Торгуешь подлостью и съ дерзоснымъ челомъ
 Опъ знасныхъ къ богачамъ ползушь изъ дома въ домъ!
 Я сердцемъ Римлянинъ; кипись въ груди свобода;
 Во мнѣ не дремлешь духъ великаго народа.
 Лициній, поспѣшимъ далеко опъ заботъ,
 Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красопъ!
 Зависпливой судьбы въ душъ презрѣвъ удары,
 Въ деревню пренесемъ опеческіе лары!
 Въ прохладѣ древнихъ рошъ, на берегу морскомъ,
 Найши непрудно намъ укромный, свѣпмый домъ,
 Гдѣ, больше не спрашась народнаго волненья,
 Подъ староспъ опдохнемъ въ глуши уединенья.
 И шамъ, расположась въ уюпномъ уголкѣ,
 При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
 Воспомнивъ шарину за дѣдовскимъ фіаломъ,
 Свой духъ возпламеню жестокимъ Ювеналомъ,
 Въ сапирѣ праведной порокъ изображу
 И нравы сихъ вѣковъ попомспву обнажу.
 О Римъ, о гордый край развраща, злодѣянья!
 Придешь ужасный день, день мщенья, наказанья.
 Предвижу грознаго величія конецъ:
 Падешь, падешь во прахъ вселенныя вѣнецъ.
 Народы юные, сыны свирѣпой брани,

Съ мечами на шебя подымушь мощны длани,
И горы и моря оставяшь за собой
И хлынушь на шебя кипящую рѣкой.
Исчезнешь Римъ; его покроешь мракъ глубокой;
И пушникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнешь, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабшвомъ погубленъ.»

II.

В * * * М у .

Прости, щаспливый сынъ пировъ,
Балованный дшпя свободы,
Любимецъ музъ, поклонникъ моды
И Терпсихоры и спиховъ!
Ты въ жизни любишь перемъну:
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ сладко дремлюшь наяву
И наслажденьямъ знаюшь цѣну.
Разнообразной и живой
Москва плъняешъ песпрошой,
Спаринной роскошью, пирами,
Невѣсшами, колоколами,
Забавной, легкой суешой,
Невинной прозой и спихами.
Ты шамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманшво въ шипыхъ кружевахъ,
И глупосшь въ золошыхъ очкахъ,

И пляжкой знапности веселье,
 И скуку съ карпами въ рукахъ.
 Всего минушный наблюдашель,
 Ты посмѣешься подь рукой;
 Но вскорѣ, вѣрный обожашель
 Забавъ и лѣни золошой,
 Держася моего совѣша
 И волю всей душой любя,
 Оставишь кругъ большаго свѣша
 И жишь рѣшишься для себя.
 Уже въ приюшѣ опдаленномъ
 Я вижу мысленно шебя:
 Кипишь въ бакалѣ опѣненномъ
 Аи холодная спруя;
 Въ гуспомъ дыму лѣнивыхъ прубокъ,
 Въ халапахъ, новые друзья
 Шумяшь и пьюшь; задорный кубокъ
 Обходишь ихъ безумный кругъ,
 И мчишься въ радостяхъ досугъ;
 А шамъ египешскія дѣвы
 Лешаюшь, вьюшся предъ побой;
 Я слышу звонкіе напѣвы,
 Спонь нѣги, вопли, дикій вой;
 Ихъ изсупленные движенья,

Огонь неистовыхъ очей,
И все, мой другъ; въ душѣ швоей
Раждаешъ пренешъ упоенья. . . .
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаешъ плѣнница младая;
Весь день уныла и шомна,
Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачешъ подь окномъ
Ошъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смощришь на пустынный домъ,
Гдѣ мы шакъ часшо пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и шобой,
Куда съ надеждой и шоской
Ея желанья улешали.
О скоро ль милаго найдущъ
Ея пошупленные взоры,
И предъ любовью упадущъ
Замковъ ревнивые зашворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживишся?
Когда прискачешъ, милый другъ?
Душа вослѣдъ шебъ спремится.
Гдѣ бь ни былъ шы, возми вѣнокъ

Изъ рукъ младаго сладоспращья,
И докажи, что ты знаешь
Въ невѣдомой наукъ щасья.

III.

П * * * Н У.

Что восхищительный, живый
 Войны, сражений и пожаровъ,
 Кровавыхъ и пусыхъ полей,
 Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
 И что завидный крашкихъ дней
 Неслишкомъ мудрыхъ усачей,
 Но сердцемъ испинныхъ гусаровъ?
 Они живушь въ своихъ шапрахъ,
 Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
 Какъ жиль безсмершный шрусъ Горацій
 Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
 Не знаюшь свѣша принужденья,
 Не вѣдаюшь, что скука, спрахъ;
 Даюшь обѣды и сраженья,
 Поюшь и рубяшся въ бояхъ.
 Щасливль, кто миль и спрашенъ міру;
 О комъ за пѣсни, за дѣла
 Гремилъ правдивая хвала;

Кшо славиль Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!

IV.

Ш***ОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эрапой и Венерой,
 Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
 Въ помѣстьѣ мирное межъ Пиндомъ и Циперой,
 Гдѣ нѣжился Тибулъ, Мѣлецкій и Парни?
 Тебѣ, балованный пипомецъ Аполлона,
 Съ ихъ лирой соглашашъ игривую свирѣль:
 Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
 Твою щасливую качали колыбель.

Друзей любишь открытою душою,
 Въ молчаньи чувствовашъ, плѣняшся красою:
 Вошь жребій мой; ему я слѣдовашъ гошовъ,
 Но, милый, сжался надо мною,
 Не шребуй отъ меня стиховъ!

Невѣчно нѣжишься въ пріятномъ ослѣпленьи:
 Докучной истины я поздній вижу свѣшь.

По добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
 Мечтъ шепнувшей: шы поэшъ,

И, презря мудрые угрозы и совѣшъ,

Съ небрежной лѣнностью нанизываль куплеты
 Игрушкою себя невинной веселиль;
 Угодникъ Бахуса, я шрезвѣй межъ друзьями,
 Бывало, пѣль вино водяными сшихами;
 Мечшашельныхъ Доридь и славиль и браниль,
 Иль дружбѣ плель вѣнокъ: и дружештво зѣвало
 И сонные сшихи въ просонкахъ величало.
 Но долго ли меня лелѣяль Аполлонь?
 Душѣ наскучили Парнаскія забавы;
 Недолго свились мнѣ мечшанья музъ и славы:
 И, спрогимъ опышомъ невольно пробуждѣнь,
 Уснувъ межъ розами, на шернахъ я проснулся,
 Увидѣль, что еще не генія печать
 Охоша смершная на риѣмахъ лепешашь,
 Сравнивъ сшихи швои съ моими, улыбнулся:
 И полно мнѣ писашь.

V.

ДЕЛЪВ ИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣною

Укрышый ошь забошь,

Живи подь ихъ надежной сѣнью!

Въ уединеніи шы щасливь : шы поэшъ.

Напернику боговъ неспрашны бури злыя :

Надь нимъ ихъ промысль высокій и свяшой ;

Его баюкаюшь камни молодыя

И съ першомъ на успахъ храняшь его покой.

О милый другъ, и мнѣ богини пѣснопѣнья

Еще въ младенческую грудь

Вліяли искру вдохновенья

И шайный указали пушь :

Я мирныхъ звуковъ наслажденья

Младенцемъ чувшвовашъ умѣль,

И лира спала мой удѣль.

Но гдѣ же вы, минушы упоенья ,

Неизьяснимый сердца жарь,

Одушевленный шрудъ и слезы вдохновенья!

Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ,
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣшь, нѣшь, ни щаспiемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похваль
Не буду увлечень! Въ бездѣйствiи щасшливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ;
Но, можешь бышь, вздохну въ воспоргъ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ своихъ.

VI.

КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосѣльемъ :
Право, намъ шакимъ бездѣльемъ
Занимашься недосугъ.
Пусть оспылой жизни чашу
Тянешь медленно другою ;
Мы жь упрашимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогою ;
Каждый у своей гробницы
Мы присядемъ на порогъ ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ ,
И полпою наши шѣни
Къ тихой Лешѣ убѣгушь ;

Смерпный мигъ нашъ будешь свѣшель:
И подруги шалуновъ
Соберушь ихъ легкйй пепель
Въ урны празднаыя пировъ.

VII.

АЛЕКСѢВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
 Твои ревнивыя мечшы!
 Я позабыль любви призывы
 И плѣнь опасной красомы.
 Свободы другъ миролюбивый,
 Въ полѣ красавиць молодыхъ
 Я равнодушный и лѣнивый
 Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
 Ихъ помный взоръ, привѣшный лепешъ
 Уже невластны надо мной.
 Забыло сердце нѣжный шрепешъ
 И пламя юности живой.
 Теперь ужъ мнѣ влюбиться шрудно,
 Вздыхашъ неловко и смѣшно,
 Надеждъ вѣришь безразсудно,
 Мужей обманывашъ грѣшно.
 Прошелъ веселой жизни праздникъ.
 Какъ мой задумчивый проказникъ,
 Какъ Барашынский, я швержу:
 «Нельзя ль найши подруги нѣжной,

«Нельзя ль найши любви надежной?»
И ничего не нахожу.
Оставя щасстья призрак ложный,
Безъ упоительныхъ спраспей,
Я спалъ наперсникъ оспорожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Когда любовникъ испуленной,
Тоскуя, плачешь предо мной
И для красавицы надменной
Клянешься жершвовашъ собой;
Когда въ жару своихъ желаній
Съ воспоргомъ изьясняешь онь
Неясныхъ, шемныхъ ожиданій
Обманчивый, но сладкій сонъ,
И, крѣпко руку сжавъ у друга,
Клянешь ревниваго супруга,
Или докучливую мать:
Его безумнымъ увѣреньямъ
И поминушнымъ повпореньямъ
Люблю съ учаспиемъ внимашъ;
Я льшу слѣпой его надеждъ,
Я молодъ юностью чужой
И говорю: пакъ было прежде
Во время оно и со мной.

VIII.

К***НУ.

Кто мнѣ пришлеть ея портретъ,
Чершпы волшебницы прекрасной?
Таланшовъ обожашель спрашпной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можеть бышь, напрасной,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блиспала славой,
Я свиспомъ гимны заглушилъ.
Погибни злобы мигъ единой!
Погибни лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Мельпоменой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смершный васъ поносите;
Но вскорѣ прешпной рукой
Вамъ жершвы новыя приносите.

IX.

КОЗЛОВУ.

Пѣвецъ, когда передъ побой
 Во мгль сокрылся міръ земной,
 Мгновенно швой проснулся геній,
 На все минувшее воззрѣль
 И въ хорѣ свѣшлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя запѣль.

О милый брашь, какіе звуки!
 Въ слезахъ воспорга внемлю имъ:
 Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
 Онъ усыпилъ земныя муки.
 Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
 Ты въ немъ и видишь и лешаешь
 И вновь живешь и обнимаешь
 Разбишый юноспи кумирь.

А я, коль спихъ единый мой
 Тебѣ мгновеенья даль опрады,

Я не хочу другой награды :
Недаромъ шемною снесёй
Я проходилъ пустыню міра ,
О нѣшь, недаромъ жизнь и лира
Мнѣ были ввѣрены судьбой!

ПРЕЛЕСТНИЦЪ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
 Умильнымъ голосомъ и взоромъ
 Младое сердце разпаляшь
 И шихимъ, сладоспнымъ укоромъ
 Къ побѣдѣ легкой вызываешь?
 Къ чему обманчивая нѣжность,
 Спыдливости припворный видъ,
 Движеній помная небрежность
 И препенъ успъ и жаръ ланишь?
 Напрасны хитрья спаранья:
 Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣшь...
 Невольный хладъ негодованья
 Тебѣ мой роковой опвѣшь.

 Скажи: у двери оцѣненной
 Твоей обихели презрѣнной
 Кто смѣлой не спучаль рукой?
 Нѣшь, нѣшь, другому свой завялый

Неси , прелестница , вѣнокъ ;
Ласкай неопышный порокъ ,
Въ швоихъ объятіяхъ успалый ;
Но гордый замысль забудь :
Не привлечешь пишомца музы
Ты на предашельную грудь !
Неси другимъ наемны узы ,
Своей любви пошпыдный шоргъ ,
Корыспи хладныя лобзанья
И принужденныя желанья
И злапомъ купленный воспоргъ !

XI.

N. N.

Я ускользнулъ ошь Эскулапа
 Худый, обришый, но живой:
 Его мучительная лапа
 Не шягошѣеть надо мной.
 Здоровье, легкій другъ Пріапа,
 И сонъ, и сладоспный покой,
 Какъ прежде, посьшили снова
 Мой уголь шѣсный и проспой.
 Ушѣшь и шы полубольнаго!
 Онъ жаждешъ видѣшься съ шобой,
 Съ шобой, щасшливый беззаконникъ,
 Лѣнивый Пинда гражданинъ,
 Пировъ и нѣги вѣрный сынъ,
 Венеры вѣпренный поклонникъ
 И наслажденій власшелинъ!
 Ошь суешы шполицы праздной,
 Ошь хладныхъ прелесшей Невы,
 Ошь вредной сплешницы молвы,

Опъ скуки , столь разнообразной ,
 Меня зовушь холмы , луга ,
 Тѣнишы клены огорода ,
 Пустынной рѣчки берега
 И деревенская свобода.

• • • • •
 • • • • •

Слуга

XII.

Ч*** В у.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ, крови жаждущимъ, богамъ
 Дымились жершвоприношенья;
 Здѣсь успокоена была
 Вражда свирѣпой эвмениды:
 Здѣсь провозвѣспница Тавриды
 На брата руку занесла;
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы шоржество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданиемъ возгордилось.

.
 Ч***, помнишь ли бывое?
 Давно ль съ воспоргомъ молодымъ
 Я мыслилъ имя роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,

Теперь и лёнъ и шишина,
И, въ умиленьи вдохновенномъ,
На камнь, дружбой освященномъ,
Пишу я наши имена.

XIII.

ГРЕЧАНКЪ.

Ты рождена воспламеняшь
Воображеніе поэшовъ,
Его тревожишь и плѣняшь
Любезной живостью привѣшовъ,
Восточной странностью рѣчей,
Блнстаньемъ зеркальныхъ очей
И этой ножкою нескромной;
Ты рождена для нѣги шомной
Для упоенія спрасшей.
Скажи: когда пѣвецъ Леилы
Въ мечсахъ небесныхъ рисоваль
Свой неизмѣнный идеаль,
Ужь не себя ль изображалъ
Поэшь мучительный и милый?
Бышь можешь, въ дальней споронѣ,
Подъ небомъ Греціи священной,
Тебя спрадалецъ вдохновенной
Узналь, иль видѣль, какъ во снѣ,

И скрылся образъ незабвенной
Въ его сердечной глубинѣ.
Бышь можешь, лирою щаспливой
Тебя волшебникъ искушалъ;
Невольный трепеть возникалъ
Въ швоей груди самолюбивой:
И шы, склонясь къ его плечу....
Нъшь, нъшь, мой другъ, мечшы ревнивой
Пишапъ я пламя не хочу:
Мнѣ долго щаспье чуждо было,
Мнѣ ново наслаждапъся имъ,
И, шайной грустїю шомимъ,
Боюсь: невѣрно все, что мило.

XIV.

ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза луны, свободы воинь,
Покрышый кровію свяшой,
Чудесный швой ошець, преступникъ и герой,
И ужаса людей и славы былъ доспоинь.
Тебя младенца онъ ласкаль
На пламенной груди рукой окровавленной;
Твоей игрушкой былъ кинжалъ
Брашоубійшвомъ изощренной.
Какъ часто, возбудивъ свирьпой месши жаръ,
Онъ молча надъ швоей невинной колыбелью
Убійшва новаго обдумываль ударъ
И лепешь швой внималь и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачный, ужасный до конца.
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ опца
Смиреной жизнию предъ небомъ изкупила:
Съ могилы грозной къ небесамъ
Она, какъ сладкій ѳиміамъ,
Какъ чиспая любви молишва возходила.

XV.

ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечпашельному міру
Спрямясь возвышенной душой,
Ты держишь на кольнахъ лиру
Нешерпильвою рукой;
Когда смбняются видбня
Передъ тобой въ волшебной мглб,
И быспрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлешь на челб:
Ты правъ, шворишь ты для немногихъ,
Не для зависпливыхъ судей,
Не для сбирашелей убогихъ
Чужихъ сужденій и вбшей,
Но для друзей таланта спрогихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбишь щасье,
Не всб родились для вбнцовъ.
Блажень, кто знаешь сладоспращье
Высокихъ мыслей и стиховъ;

Кто наслаждение прекраснымъ
 Въ прекрасный получилъ удѣлъ
 И швой воспоргъ уразумѣлъ
 Воспоргомъ пламеннымъ и яснымъ!
 Смощи, какъ пламенный поэтъ,
 Вниманьемъ сладкимъ упоенный,
 На свихокъ генія склоненный,
 Читаешь повѣсть древнихъ лѣтъ!
 Онъ духомъ тамъ, въ дыму спольшій:
 Предъ нимъ волнуется полпой
 Злодѣйства, мрачной славы дѣши,
 Съ сынами доблести прямой;
 Опъ сна воскресшими вѣками
 Онъ бродишь шайно окружёнъ
 И благодарными слезами
 Карамзину приносишь онъ
 Живой души благодаренье
 За мигъ воспорга золошой,
 За благотворное забвенье
 Бесплодной суешы земной:
 И въ немъ шрепещешь вдохновенье.

XVI.

Ч*** В У.

Въ спранъ , гдѣ я забыль тревоги прежнихъ лѣтъ ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пушыннй мой сосѣдъ ,
 Гдѣ слава для меня предмешъ забошы малой ,
 Тебя недоспаешъ душѣ моей успалой .
 Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ ,
 Непрудно было мнѣ ошвыкнушь ошь пировъ ,
 Гдѣ празднй умъ блещишь , шогда какъ сердце дремлешъ
 И правду пылкую приличій хладъ объемлешъ .
 Ошавя шумнй кругъ безумцевъ молодыхъ ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣль о нихъ ,
 Вздохнувъ , ошавиль я другія заблужденья ,
 Враговъ моихъ предаль прокляшю забвенья ,
 И , съши розорвавъ , гдѣ бился я въ плѣну ,
 Для сердца новую вкушаю шишину .
 Въ уединеніи мой своенравнй геній
 Позналь и шихій шрудъ и жажду размышленій .
 Владѣю днемъ моимъ ; съ порядкомъ дружень умъ ;
 Учусь удерживашъ вниманье долгихъ думъ ;

Ищу вознаграждишь въ объяшяхъ свободы
 Мясжежной младостью ушраченныя годы
 И въ просвѣщеніи спашь съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улынулись;
 Цѣвницы брошенной уста мои коснулись;
 Спаринный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечшы, природу и любовь,
 И дружбу вѣрною и милые предметы,
 Пѣнявшіе меня въ младенческія лѣпы,
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботы, ни цѣли, ни сисшемъ,
 Я пѣнемъ оглашала пріюшь забавъ и лѣни
 И Царскосельскія хранишельныя сѣни.
 Но дружбы нѣшь со мной: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневныя края;
 Ни музы, ни шруды, ни радости досуга,
 Ничшо не замѣнишь единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлишелемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвяшилъ
 И крапкій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можешь бышь, спасенныя шобюю!
 Ты сердце зналъ мое во цѣвшѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ пошомъ въ волненіи спрасшей

Я шайно изнываль, страдалецъ упомленной ;
 Въ минушу гибели надъ бездной пощаенной
 Ты поддержаль меня недремлющей рукой ;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой ;
 Во глубину души вникая спрогимъ взоромъ,
 Ты оживляль ее совѣсомъ иль укоромъ ;
 Твой жаръ воспламеняль къ высокому любовь ;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ раждалось вновь ;
 Ужь голось клеветы не могъ меня обидѣть :
 Умѣль я презирашь, умѣя ненавидѣть .

. 9 .

Мнѣ ль было съговарь о шолкахъ шалуновъ,
 О лепешаньи дамъ, зоиловъ и глупцовъ ,
 И сплешней разбирашь игривую зашью ,
 Когда гордишься могъ я дружбою швоею ?
 Благодарю боговъ : прошель я мрачный пушь ;
 Печали раннія мою шѣснили грудь :
 Къ печалямъ я привыкъ , расчелся я съ судьбою ,
 И жизнь перенесу споической душою .
 Одно желаніе : останься ты со мной !
 Небесь я не шомиль молишвою другою .
 О , скоро ли , мой другъ , наспанешъ срокъ разлуки ?
 Когда соединимъ слова любви и руки ?
 Когда услышу я сердечный швой привѣшь ?

Какъ обниму тебя! Увижу кабинеть,
Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечшатель
И въпреной шолпы безспрастный наблюдашель;
Приду, приду я вновь, мой милый домохъдъ,
Съ тобою вспоминашь бесѣды прежнихъ лѣтъ,
Младые вечера, пророческіе споры,
Знакомыхъ мершвецовъ живые разговоры;
Поспоримъ, перечшемъ, посудимъ, побранимъ,
И щаспливъ буду я: но шолько ради Бога
Гони ты *** ошь нашего порога!

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ.

У 1913 С

ПОДЪЯВЛЯЮЩАЯСЯ

ПОДРАЖАНІЯ КОРАНУ¹⁰.

(Посвящено П. А. Осиповой.)

I.

Клянусь чешой и нечешой,
Клянусь мечемъ и правой бишвой,
Клянуся утренняя зарей,
Клянусь вечернею молишвой II:

Нѣшь, не покинулъ я себя.
Кого же въ сѣнь успокоенья
Я ввелъ, главу его любя,
И скрылъ ошь зоркаго гоненья?

Не я ль въ день жажды напоилъ
Тебя пуспынными водами?
Не я ль языкъ швой одарилъ
Могучей власшью надъ умами?

Мужайся жь, презирай обмань,
Спезею правды бодро слѣдуй,
Люби сиропть, и мой корань
Дрожащей швари проповѣдуй!

II.

О жены чистыя пророка!
 Ошь всѣхъ вы жень опличены:
 Спрашна для васъ и шѣнь порока.
 Подъ сладкой сѣнью шишины
 Живите скромно! Вамъ приспало
 Безбрачной дѣвы покрывало.
 Храните вѣрныя сердца
 Для нѣгъ законныхъ и спыдливыхъ!
 Да взоръ лукавый нечеспивыхъ
 Не узришь вашего лица!

А вы, о госпи Магомеша,
 Шекаясь къ шрапезѣ его,
 Брегитесь суешами свѣша
 Смушите пророка моего!
 Въ пареньи думъ благочеспивыхъ,
 Не любите онъ велерѣчивыхъ

И словъ нескромныхъ и пуспыхъ :
Почтите пирь его смиреньемъ ,
И цѣломудреннымъ склоненьемъ
Его невольницъ молодыхъ 12 !

III.

Смутясь, нахмурился пророкъ,
 Слѣпца послышавъ приближенье ¹³ :
 Бѣжишь, да не дерзнешь пороку
 Ему являшь недоумѣнье.

Съ небесной книги списокъ данъ
 Тебѣ, пророкъ, не для спрошивыхъ ;
 Спокойно возвѣщай корань,
 Не понуждая нечестивыхъ !

Почто жь кичишься человекъ ?
 За то ль, что нагъ на свѣшь явился,
 Что дышишь онъ недолгій вѣкъ,
 Что слабъ умрешь, какъ слабъ родился ?

За то ль, что Богъ и умершвишь
И воскресишь его по волѣ?
Что съ неба дни его хранишь
И въ радоспяхъ и въ горькой долѣ?

За то ль, что даль ему плоды
И хлѣбъ и финикъ и оливу,
Благословивъ его труды
И вершоградъ и холмъ и ниву?

Но дважды ангель возшрубилъ;
На землю громъ небесный грянешь:
И братъ ошъ брата побѣжишь
И сынъ ошъ машери ошпрянешь.

И всѣ предъ Бога пришекушь,
Обезображенные спрахомъ:
И нечеспивые падушъ,
Покрышы пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древль, о Всесильный,
Могучій соспязашся мниль,
Безумной гордостью обильный;
Но Ты, Господь, его смириль.
Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На все подьяпа длань моя.
Я шакже, рекъ онъ, жизнь дарую,
И шакже смертью наказую:
Съ Тобою, Боже, равень я.
Но смолкла похвальба порока
Ошь слова гнѣва Твоего:
Подьемлю солнце я съ воспока;
Съ закаша подыми его!

V.

Земля недвижна; неба своды,
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падушъ на сушь и воды
И не подавяшь насъ собой ¹⁴!

Зажегъ Ты солнце во вселенной,
Да свѣшишь небу и землѣ,
Какъ лень, елеемъ напоенной,
Въ лампадномъ свѣшишь хрушаль.

Творцу молишесь; Онъ могучій:
Онъ правишь въшромъ; въ знойный день
На небо насылаешь пучи;
Даешь землѣ древесну сѣнь.

Онъ милосердъ: Онъ Магомешу
Открылъ сіяющій корань,
Да прищечемъ и мы ко свѣшу
И да падешь съ очей шумань.

VI.

Недаромъ вы приснились мнѣ
Въ бою съ обрипыми главами,
Съ окровавленными мечами,
Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.

Внемлите радостному кличу,
О дѣпи пламенныхъ пуспынь!
Ведите въ плѣнь молодыхъ рабынь,
Дѣлите бранную добычу!

Вы побѣдили: слава вамъ,
А малодушнымъ посмѣянье.
Они на бранное призванье
Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.

Прельстясь добычей боевою
Теперь въ раскаяньи своемъ
Рекушь : возмише насъ съ собою ,
Но вы скажише : не возмемъ.

Блаженны падшіе въ сраженьи :
Теперь они вошли въ эдемъ
И пошонули въ наслажденьи ,
Неоsprавляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый!

Въ пещерьъ швоей

Святая лампада

До ушра горить.

Сердечной молишвой,

Пророкъ, удали

Печальныя мысли,

Лукавыя сны!

До ушра молишву

Смиренно швори;

Небесную книгу

До ушра чишай!

VIII.

Торгуя совѣстью предъ блѣдной нищетою,
Не сыпь своихъ даровъ расчешливой рукою:
Щедроша полная угодна небесамъ.
Въ день грознаго суда, подобно нивѣ шучной,
О сѣшель благополучной,
Спорицею воздасшь она швоимъ шрудамъ.

Но если, пожалѣвъ шрудовъ земныхъ спяжанья,
Вручая нищему скупое подаянье,
Сжимаешь ты свою зависпливую длань;
Знай: всѣ швои дары, подобно горсши пыльной,
Чшо съ камня моешь дождь обильной,
Исчезнушь, Господомъ опшверженная дань.

IX.

И пушникъ успалый на Бога ропсаль:
Онъ жаждой помился и шѣни алкаль.
Въ пуспынѣ блуждая при дня и при ночи,
И зноемъ и пылью шягчимыя очи
Съ шоской безнадежной водиль онъ вокругъ,
И кладезь подъ пальмою видиць онъ вдругъ.

И къ пальмѣ пуспынной онъ бѣгъ успремилъ
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе шяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
И многіе годы надъ нимъ прошекли
По волѣ Владыки небесъ и земли.

Наспаль пробужденыя для пунника часъ;
 Вспашеть онъ и слышишь невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко?»
 И онъ отвѣчаетъ: ужь солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
 Съ утра я глубоко проспаль до утра.

Но голось: «о пунникъ, ты долѣ спаль;
 Взгляни: легъ ты молодъ, а спарцемъ возспаль;
 Ужь пальма изшлѣла, а кладезь холодной
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
 Давно занесенный песками степей,
 И косши бѣлюшь ослицы швоей.»

И горемъ обяпый мгновенный спарикъ,
 Рыдая, дрожащей главою поникъ....
 И странное чудо тогда совершилось:
 Минувшее въ новой красѣ оживилось;
 Вновь зыблешся пальма шѣнистой главой;
 Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встають ,
И шѣломъ одѣлись, и ревъ издають ;
И чувствуешь пушникъ и силу и радость ;
Въ крови заиграла воскресшая младость ;
Свяшые восторги наполнили грудь:
И съ Богомъ онъ даль пускаешя въ пушь.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. Comme un dernier rayon, comme un dernier zephyr
 Anime le soir d'un beau jour,
 Au pied de l'échafaud j'essaie encore ma lyre.
(V. Les derniers vers d'André Chénier.)

2. У Авеля, у Фанни.

Abel doux confident de mes jeunes mistères (El. I.):
 одинъ изъ друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maitresses d'An. Ch. Voyez les
 odes qui lui sont adressées.

3. И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

4. Voyez ses jambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait
 célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois,
 attaqué Robespierre. — On sait que le Roi avait
 demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de
 calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple
 du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée
 dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

5. Онъ былъ казнень 8 термидора, ш. е. наканунѣ низверженія Робеспьера.

6. На роковой шпелгѣ везли на казнь съ Ан. Шенье и поэта Руше, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments: pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. C'étoit la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

7. На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: pourtant j'avais quelque chose là.

8. Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ поэтъ шушитъ надъ философіею эпикурейцевъ. Читашель безъ сомнѣнія не будешь смѣшивашъ чистыхъ, душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственныхными.

9. Всѣ пропуски въ стихопвореніяхъ, означенные почками, сдѣланы самимъ авторомъ.

10. « Нечестивые, пишеть Магометь (глава Награды), думаютъ, что коранъ есть собраніе новой лжи и старыхъ басень. » Мнѣніе сихъ нечестивыхъ конечно справедливо; но, не смотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагаешя нѣсколько вольныхъ подражаній.

Въ подлинникѣ Алла вездѣ говоритъ ошь своего имени, а о Магомешѣ упоминается полько во вшоромѣ, или шрешьемъ лицѣ.

11. Въ другихъ мѣсцахъ корана Алла клянется копышами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангелами и человекомъ и проч. Спранный сей респорическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминушно.

12. «Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ эшаго не скажешь, ибо онъ весьма учивъ и скромень; но я не имѣю нужды съ вами чиниться,» и проч. Ревность Араба шакъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

13. Изъ книги *Слѣпецъ* (*Тифля*). Вошь, почему слово сіе почищается у Турковъ за жесточайшую брань.

14. Плохая физика; но за шо какая смѣлая поэзія!

КОНЕЦЪ.

1916

[85р.]

Изъ библиотеки Филонова.

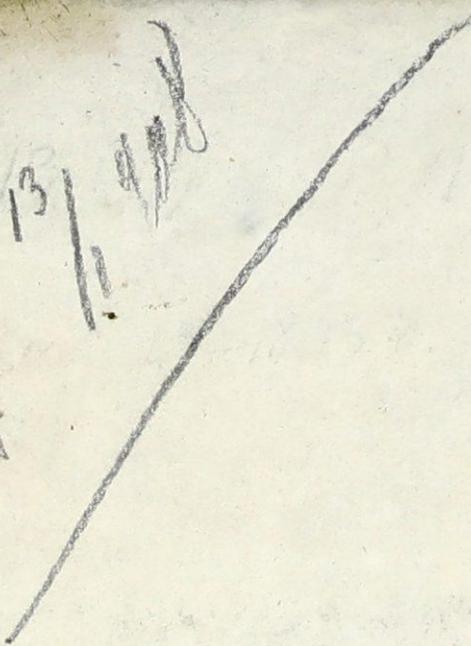
Куплено въ магазинъ
Н. П. Осоловцева 1 шт.
Литера. 51) 3 февр. 1909г.
за 3р. 15к.

Л. П. Осоловцев

6

13 / 11 / 18

A

К 1916

